

10 апреля
впятница

"Мои первые строки"

- ✓ Литературный конкурс
- ✓ Сборник работ
- ✓ "Мои первые строки – 2026"

Тайшет, 2026

М 74 Мои первые строки. Литературный конкурс : сборник работ / МКУ «Библиотечное объединение г. Тайшета» ; методико-библиографический отдел; составитель О. Б. Козлова ; редакция С. В. Москаленко – Тайшет, 2025. – 92 с.: фот.

Подведение итогов литературного конкурса «Мои первые строки»

10 апреля стены городской библиотеки наполнились атмосферой творчества. В этот день библиотека превратилась в центр литературного мастерства, принимая участников ежегодного конкурса «Мои первые строки».

В 2026 году мероприятие привлекло рекордное количество участников. 20 конкурсантов, желающих поделиться своим первым литературным опытом, прислали заявки. Работы были представлены в самых разных жанрах: от лирических стихотворений до захватывающей прозы. По итогам конкурса жюри распределило места следующим образом:

В номинации «Проза»:

Дипломы третьей степени получили – Красильникова Екатерина (8 класс СОШ № 1), Барыска Сай-Даш (6 класс СОШ № 5), Бондарь Алиса (студентка Иркутского гидрометеорологического техникума).

Монахов Денис (ведущий специалист управления дорожного хозяйства и благоустройства администрации Тайшетского муниципального округа) – диплом второй степени.

Победители номинации – Лазарев Матвей (студент Тайшетского медицинского техникума), Ольхин Иван (студент Красноярского индустриально-металлургического техникума).

В номинации «Поэзия»:

Диплом третьей степени – Хлебникова Ольга (7 класс СОШ № 85), Хлебникова Ульяна (11 класс СОШ № 85).

Диплом второй степени – Воложанина Мария (7 класс РЖД лицей № 12), Бабурина Дарья (11 класс РЖД лицей № 12), Глушкова Ирина (студентка Тайшетского медицинского техникума), Игнатьева Ксения.

Диплом первой степени – Куранов Максим (8 класс СОШ № 5), Карпова Елизавета (11 класс СОШ № 85), Усик Варвара (студентка Тайшетского медицинского техникума), Монахов Денис (ведущий специалист управления дорожного хозяйства и благоустройства администрации Тайшетского муниципального округа).

Были вручены поощрительные дипломы в следующих номинациях «За смелость первых строк», «Мастер первого слова», «Звёздочка литературы».

Завершилось мероприятие вручением памятных подарков и общим фото. Теплая атмосфера способствовала искренним разговорам и новым знакомствам. За чашкой чая обменялись впечатлениями и планами на будущее.

Возрастная группа 11 – 14 лет

Куранов Максим
МКОУ СОШ № 5 г. Тайшета,
8 класс.

Со мной сентябрь говорил

Со мной сентябрь говорил
Так нежно, откровенно.
В мир красок дверь свою открыл
Так робко, вдохновенно.
Порывом ветра освежал
Цветы, листву деревьев.
В долину бора он бежал
Дождливою каплейю.
Грибов и ягод аромат
Манил к себе невольно.
За урожай, что я собрал,
Хвалил его довольно.
От октября я много ждал,
Но он, увы, лишь снег прислал.
Короче сделал ямный день,
На окна стала падать тень.
Опала яркая листва,
Прохлада в гости к нам пришла.
И реже стало пенье птиц

Мой слух ласкать издалека.
Земля укуталась ковром,
Уснула в ожидании ноября.

Воложанина Мария

Частное общеобразовательное
учреждение «РЖД лицей № 12»,
7 класс.

Учителя

Учителя, вы – свет в начале дня,
Когда познания мир лежит в тумане.
Вы искру знаний будите, храня
В сердцах учеников огонь познания.

Вы терпеливо сеете зерно,
И холите ростки пытливых мыслей.
И даже если кажется темно,
Вы видите в учениках лишь жизни смысл.

Вы делаете сложное простым,
Ведете нас сквозь дебри теорем.
И каждый ваш урок неповторим,
Как ценный клад, как дорогая тема.

Спасибо вам за мудрость и тепло,
За веру в нас, за труд неутомимый.

Пусть будет жизнь наполнена добром,
Вы нами любимы, незаменимы!

Хлебникова Ольга
МКОУ «СОШ № 85 имени Героя
Советского Союза Н.Д. Пахотищева»,
7 класс.

Нежный аромат

Беленькие ландыши
Подарил мне ты.
На окошке светлом —
Белые цветы.
Вазочка стеклянная,
Прозрачна, как роса,
И наполнилась любовью
Вся моя душа.
Комната объята
Нежным ароматом,
И смотрю я в небосклон
Милым майским взглядом.
Руки твои нежные
Вспоминаю я.
Лучики вечерние
На пол упадут,
И окошко белое
Станет чёрным вдруг...
Ландыши завянут,
Лепестки падут,
Но воспоминанья
В сердце расцветут.

Октябрьская радость

Как сладкий сон,
Берёзоньки стоят,
И ветер томный листья колышет.

И я гуляю в том саду,
О птицах дальних размышляю.

Мысли плавают в пруду,
Как утки, кружат танго.
И я растерянно стою,
Судьбу свою тихонько ожидаю.

Город мой багряный,
И я в нём одинок.
Октябрьская радость –
В осеннем том саду.

Лавочка забытая
Стоит на берегу,
И я, как утка белая,
Плаваю в пруду.

Барыска Сай-Даш
МКОУ СОШ № 5 г. Тайшета,
6 класс.

Рыжая бестия

В доме было всё пусто и очень грустно. Не пахло поутру вкусной выпечкой любимой хозяйки, никто не суеился и не хозяйничал у печи. Вот уже три дня в миске Рыжика ни капли молока и крошки хлеба. Все последние дни в доме было шумно и суетно, незнакомые люди сновали из одной комнаты в другую. Одного не мог понять кот: почему его хозяйка лежит в деревянном ящике, и все, кто подходят к ней, начинают плакать. Разбудите её, она проснётся и будет очень рада встрече с вами. Долгими зимними вечерами в наших с ней беседах она вспоминала и рассказывала о каждом из вас очень интересные истории.

Всё затихло, всё закончилось, хозяйку увезли в этом же деревянном ящике. И стало в доме тихо и пустынно. Можно было услышать, как бьётся в его рыжем теле маленькое сердечко, которое раньше так не ныло и не подкатывало к горлу. Раньше он даже не задумывался о нём. Ну, стучит что-то там, работает, и хорошо. А в этой пустынной тишине они остались вдвоём: он и его сердечко, которое болело невыносимо тоскливо.

– Ау, люди, вы где? – жалобно мяукал и звал всех кот золотисто-рыжего цвета, которому примерно три года от роду.

Выйдя на улицу, Рыжий осмотрел свои владения и увидел в каждом уголке разруху и опустение. Никогда бы его любимая хозяйюшка не оставила дверь бани открытой. Как она любила говаривать: «Открытая дверь на ночь привлекает плохую энергию и зло». Так же были разбросаны посреди двора большой веник и лопата для снега. Вся эта картина подсказывала Рыжему о невозврате в ту счастливую жизнь, где его будят почёсыванием за

ухом и ласковыми словами, где нальют ему свежего молока с мякишем от хлеба – любимым его лакомством.

Вот и сбылись опасения Елизаветы Михайловны о том, что останется Рыжий один, никому не нужным. И чтобы этого не было, оставила она завещание, но пока о нём никто не знает и не подозревает, каким ключом в рай является никому не нужный и неказистый, в этом случае непородистый кот, к коим привыкли считавшие себя новомодными городскими жителями её родственники. Каждый, как мог, хватался за своё «счастливое будущее». Старшая дочь Елизаветы Михайловны, уехавшая в город сразу после школы и окончившая экономический факультет одного из престижных вузов страны, всё не могла найти своё место в жизни, выходила замуж два раза, и все два раза неудачно. Хотя второй раз, по убеждению Елизаветы Михайловны, был с пользой: с ним там родилась её несравненная и не по годам смышлёная девочка, её любимая внучка. Которую бабушка навещала не так часто, как хотелось. А младшенький сынок, как ушёл на срочную службу, так и сгинул в летах и давал о себе знать только тогда, когда совсем самый край, как он сам выражался, и ему нужны были деньги, ну хотя бы на прожить, хотя бы три дня. Сколько это «на прожить и на три дня» мать не знала и отправляла сколько имела.

Возвращаемся к Рыжему и его страданиям. Все дни, как уже сейчас понял своим кошачьим умом Рыжий, после похорон он слонялся по деревне и питался тем, что ему перепадёт: где соседка с правой стороны нальёт молочка. Сколько точно дней или месяцев прошло, кот не знал, так как не умел считать. Но точно помнит: прошли грязь и

слякоть, и морозящие дожди. Потом были жуткие морозы и белый снег.

И вот же солнышко светит по-тёплому, весело, не так уныло. По своему обычаю, чтоб подкрепиться чем-нибудь, отправился наш Рыжий к железным контейнерам около магазина. Там были свои законы и порядки: питались там и люди, и собаки, и коты. Сегодня народу было много, и, опасаясь ожесточённых боёв за трапезу, Рыжий повернул домой. Ну, как домой. Дом в его понятии был чем-то тёплым и светлым, как они жили со своей Михайловной. А сейчас это просто стены, крыша и полы, да к тому ещё и закрытые, а обитал Рыжий на крыше. Так вот, подходит он к этим стенам, а там переполох: его ищут, его зовут. Он узнал дочь Михайловны и сына, а ещё там были люди, которых он помнил смутно, но помнил, что о них говорила хозяйюшка. Увидев Рыжего, все они плотной стеной пошли на него. Испугавшись за свою жизнь и, конечно, не первой свежести шкуру, он припустил что есть мочи назад. И тут он услышал волшебное «Рыжуня!» – так звала его только Елизавета Михайловна. Он остановился и повернулся назад, а звала его бабушкино несметное сокровище, внушка Катюша. Со всей мочи бросился он к ней, и это была встреча памяти, встреча воспоминаний. Они ранее не были представлены друг другу, но одна ниточка, одно дыхание связывало их всё это время, и этим звеном была драгоценная их Елизавета Михайловна. Она всегда рассказывала ему про своё сокровище и радость. И теперь Рыжий понимал, за что любила её его хозяйка. Волосы цвета солнца, глаза словно бездонное море и главное – её улыбка, улыбка точь-в-точь как у его хозяйки. Улыбка, светящаяся спокойствием, добротой и просто любовью,

неважно, к кому или чему-либо. И вот эта встреча произошла. Потом все эти родственники пытались переманить и забрать его. Но он, встретивший её, которую давно знает по рассказам хозяйки и мечтал увидеть, готов был вступить со всеми в последний бой, но остановить мгновение и быть с ней, с которой связывала его с той, что была для него всем в его кошачьей жизни.

И вот они благополучно приезжают в город. Из рассказов Кати, даже с того света Михайловна позаботилась о нем: было написано завещание на квартиру из трех комнат в центре города тому, кто приютит кота Рыжего и будет заботиться о нём до последних его дней. Катя говорила, что она бы его и без квартиры и завещания забрала, но мама была категорически против. После оглашения последнего желания бабушки вся родня, как с ума по сходила, все ринулись в деревню искать того самого Рыжего, то есть меня. Пока на этом остановлюсь, но, если задумаю писать про свою городскую жизнь, начну вторую главу.

Красильникова Екатерина
МКОУ средняя школа № 1
г. Тайшета,
учащаяся 8 класса.

Память погибших детей

Великое горе обрушилось на нашу страну 22 июня 1941 года. Началась Великая Отечественная война. Людям пришлось пережить голод, холод, потерю близких. Больше всего невзгод выпало на долю детей, особенно тех, кто оказался на территориях, захваченных фашистами. Враг не щадил никого: ни женщин, ни стариков, ни детей. За годы войны на оккупированных территориях были уничтожены сотни тысяч советских детей. Чем же были так напуганы дети? Вот что я узнала из публикаций интервью с деканом факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, членом рабочей группы проекта «Без срока давности» Еленой Малышевой: «Для нацистов уничтожить наше государство можно было, только уничтожая будущее – детей. Дети с исторической самоидентификацией, помнящие своих родителей, дом, страну, – вот что было самым опасным для врага».

Дети стали опасностью, их стали уничтожать: казнить вместе с родителями, устраивали детские концлагеря, где проводили чудовищные опыты, угоняли на работу в Германию, просто убивали с изощрённым зверством.

Меня поразило страшное злодеяние фашистов против детей – расстрел мирного эшелона с эвакуированными из осаждённого Ленинграда ребятами на железнодорожной станции Лычково. Двенадцать эшелонов, на которых были заметные красные кресты, подвергались жесточайшему авианалёту фашистов. Они знали, по кому ведут огонь!

Самолёты налетали стремительно. Началась гонка. Дети бросились врассыпную, плакали, крича. А немецкие лётчики безжалостно расстреливали бегущих и прячущихся детей. Всего на неподвижный эшелон было сброшено около 25 бомб!

Через час после первой бомбёжки появились четыре бомбардировщика – из пулемётов они добивали выживших. Погибших – детей и сопровождающих – похоронили в братской могиле на гражданском кладбище в Лычково. Сколько их – неизвестно. Дело в том, что в пути следования в поезд к ленинградским детям жители населённых пунктов подсаживали своих детей. Они верили, что таким образом спасают детей от смерти. Так появились «неучтённые» пассажиры.

По сведениям одних источников, погибших было немногим более четырёх десятков человек, других – что около двух тысяч.

После случившегося к месту трагедии приезжали матери некоторых ребят, ходили в отчаянии у изуродованной бомбами магистрали, спрашивали у местных жителей, не видел ли кто их детей. Ответа не было...

Очевидец событий Валентин Динабургский так описал последствия бомбёжки: «Фрагменты детских тел висели на телеграфных проводах, на ветках деревьев, на кустарниках. Стаи ворон, чуя поживу, с гвалтом кружились над местом трагедии. Солдаты собирали изуродованные тела, быстро начавшие разлагаться под влиянием жары. От смрада тошнило и кружилась голова».

Через пару дней на Лычково нахлынули матери несчастных жертв. Простоволосые, растрёпанные, они

метались между путей, искорёженных взрывами бомб. Они незряче бродили по лесу, не обращая внимания на минные поля, и подрывались на них. Неудивительно, что некоторые тронулись разумом. Меня одна женщина, улыбаясь, спрашивала: не встречал ли я её Вовочку? Она только сейчас вела его в детсад и оставила вот здесь... Зрелище страшное: истерики, вопли, обезумевшие глаза, растерянность, безысходность...

На братской могиле поставили самодельную табличку: «Ленинградские дети. 18 июля 1941». В 2005 году у общей могилы появилась бронзовая скульптура, а в 2005 году на привокзальной площади села Лычково был торжественно открыт памятник «Детям, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

На Руси нету горя чужого, беды посторонней,
И беду ленинградцев лычковцы считали своей.
Да кого же убийство детей беззащитных не тронет?
Нету боли страшнее, чем видеть страдания детей.
Вечным сном спят в Лычкове на кладбище в скромной
могиле.
Ленинградские дети – далёко от дома и мам.
Но лычковские женщины им матерей заменили,
Отдавая заботы тепло их остывшим телам,
Убирая могилу невинных страдалцев цветами,
Горько плача над ними в дни скорби и славы страны
И храня всем селом дорогую и горькую память
О совсем незнакомых, безвестных, но всё же родных.
И воздвигли в Лычкове на площади, возле вокзала,
Скорбный памятник детям, погибшим в проклятой войне:
Перед рваною глыбой – девочка, словно средь взрывов, в

огне,
В смертном ужасе к сердцу дрожащую руку прижала...
(Говорят, при отливе её капля бронзы слезой побежала
И осталась на левой щеке – до скончания дней.)
А по рельсам бегут поезда. Остановка - Лычково.
Пассажиры спешат поглядеть монумент, расспросить,
Врезать в сердце своё страшной повести каждое слово,
Чтобы лычковскую боль всей стране не забыть,
Чтобы лычковскую боль всей стране не забыть, не
простить.

Трагедия на станции Лычково не единичный случай: эвакуационные составы, перевозившие детей и гражданское население, часто становились мишенью для немецкой авиации. Всё это свидетельствует о жестокости войны, о преступлениях фашизма против детства. Про это нам никогда нельзя забывать, чтобы война никогда не повторилась, чтобы никогда не погибали дети.

Игнатенко Софья
пос. Нижняя Пойма Решотинская
средняя школа № 1 имени Героя
Советского Союза В.П. Лаптева,
учащаяся 7 класса.

Уход неизбежен

Предисловие

«Мы привыкли судить о людях по их фасадам. Мы видим маски, социальные роли, статусы, но редко замечаем трещины в фундаменте чужой души. Ханако – «идеальная» дочь, «экзотическая» студентка, «тихая» соседка. Но за этими определениями скрывается человек, медленно тонущий в собственной невидимости.

«За что ко мне такое отношение?» – этот вопрос каждый из нас задавал себе в моменты глубокого одиночества. В этой книге личная драма героини разворачивается на фоне самого криминального города мира. Здесь одиночество становится осязаемым, как гранит набережных, а надежда – такой же призрачной, как свет белых ночей. Эта книга для тех, кто когда-либо чувствовал себя лишним в толпе.»

Глава I

Начало

Привет, я Ханако. И эту книгу можно считать моим личным дневником. Сейчас мне 28 лет, и я решила рассказать людям свою удивительную историю, которая произошла со мной 10 лет назад. На данный момент я

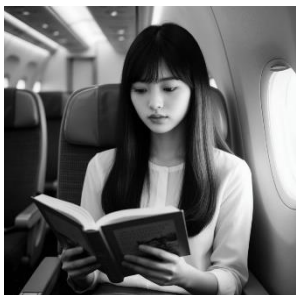
очень жалею, что многое не сделала в то время, когда могла.

Эту книгу я решила написать, потому что больше не могу держать произошедшее у себя на душе. Может, если я напишу это, мне станет легче? Надеюсь на это.

На тот момент мне было 18 лет. Я метиска и тогда я переехала в Россию к папе. Мама у меня японка, и когда мне исполнилось 7 лет, мама и папа поссорились из-за подозрения в измене. Поэтому тогда папа уехал обратно к себе на родину, а я осталась с мамой в Японии.

Из-за моего переезда в Россию с мамой был большой скандал, она говорила, что я еду к её предателю, а значит – я тоже предательница. Хотя о моём переезде мы договаривались ещё тогда, когда я поступала в среднюю школу. Моя мама довольно эмоциональная, но её можно понять: она пережила один развод и одну смерть своего мужа. Поэтому перед отъездом я ей пообещала, что как только куплю себе квартиру в России, перевезу её к себе, и ей стало легче.

Я летела из Токио до Питера, где меня пообещал встретить папа.

Летела я где-то день: вылетела ночью и прилетела ближе к утру. Как только я пришла в Питерский аэропорт, сразу позвонила папе.

– Ало, пап! Я уже в аэропорту. Где ты?

На том конце зазвучал довольно хриплый мужской голос, словно простуженный:

– Прости, дочка. Не смогу тебя забрать. Юля попросила забрать её с вечеринки. (Юля – это дочь папы в новой

семье). Попробуй добраться до дома сама. Я позвоню Лиле, она тебе откроет. (Лиля – это новая жена отца).

– Пап, ты серьезно? Я впервые в этом городе, в этой стране, а ты говоришь мне добираться самой? Юля не может подождать тебя?

– Ханакко, не будь такой упрямой. Ты уже большая, справишься. А Юле всего 15. Увидимся, целую.

Он повесил трубку, а я осталась стоять в абсолютно незнакомом мне месте. И мне оставалось только придумать, как добраться до дома отца. Я вышла из аэропорта, неся за собой два тяжёлых чемодана. Благо они были на колёсиках. Я осмотрела округу: большое количество людей. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то ждал родственников или друзей – в общем, большая шумиха. Я подумала, что хорошим решением проблемы будет вызвать такси. Я нашла одиноко стоящего парня лет двадцати и подошла к нему.

– Здравствуйте, вы можете дать мне номер местного такси?

Парень медленно повернул на меня голову. Он был довольно высокий: шатен с ярко-зелёными глазами с кислотным отливом. На лице красовалась пара родинок. Он был бледным и смотрел довольно холодно. На нём была надета мешковатая толстовка чёрного цвета с логотипом бренда «Gucci» и серые джинсы широкого фасона. Его голос прозвучал монотонно и сухо, будто он не желал с кем-то разговаривать:

– У меня телефон разрядился, а наизусть не помню.

Я отвела взгляд, глазами сразу начиная искать другого человека, который мог бы дать номер такси. От моих мыслей меня отвлек всё тот же монотонный голос:

– У меня есть машина. Я могу тебя довезти, если хочешь.

Я сразу оживилась. Всё-таки мир не без добрых людей, хоть он и выглядел мрачновато на первый взгляд.

– Да, буду очень вам благодарна, – я по привычке немного поклонилась, на то парень немного приподнял бровь в удивлении.

Он двинулся вперёд, и я поспешила за ним. При парне не было ни сумки, ни чемодана. Меня поразило, что он даже не вызвался мне помочь с моим грузом, но я решила промолчать: вдруг ещё подвозить откажется. Вскоре мы остановились у тонированной чёрной машины, сразу понятно – это Porsche Panamera. Я знала, что эта машина очень дорогая, и из своих выводов поняла, что парень очевидно богат.

Он открыл дверь водительского сиденья и нажал кнопку, отчего открылся багажник. Он молча сел за руль. «Серьёзно? Мне самой всё грузить? Он явно не джентльмен», – пронеслось у меня в голове, после чего я начала грузить чемоданы в машину. Я закрыла багажник и села на переднее пассажирское сиденье; так уж вышло, что я хлопнула дверью слишком сильно. Парень тут же посмотрел на меня:

– Не хлопай так сильно. Ты хоть знаешь, сколько эта машина стоит?

В его обычно сухом голосе прозвучал намёк на злость.

– Извини, я не рассчитала силу.

– Куда едем?

Я назвала ему адрес, и мы двинулись с места. Ехали мы в абсолютной тишине, только звук дороги под колёсами был едва слышен. Я первая прервала молчание:

– Как тебя зовут? – я старалась звучать дружелюбно, но, честно, меня раздражало его поведение.

– Марк, – коротко ответил он.

– А я Ханако. – сказала я, хоть меня и не спрашивали. Спустя пару минут молчания Марк произнёс, не отводя взгляда от дороги:

– А ты что, не русская?

– Я метиска. Мама японка, а папа русский, – неужто он спросил что-то первым.

– Вот как, – он выдержал небольшую паузу. – Я тоже метис. Мама русская, а отец немец.

Я коротко хмыкнула в ответ, в знак того, что услышала его. Так вот почему его голос довольно грубый. Я отвернула голову к окну, и весь остальной путь мы проехали в тишине.

Глава II

Новая семья отца

Как только мы добрались до нужного мне адреса, Марк сказал:

– С тебя 400 рублей, – он сказал это, глядя не на меня, а в телефон. Он протянул мне руку ладонью вверх, мол, «клади деньги сюда».

Я открыла свою сумку и нашла в ней кошелёк.

Достав и открыв его, я виновато произнесла:

– Я забыла разменять деньги... У меня только иены.

Марк поднял голову и посмотрел на меня. Его взгляд будто блеснул, и, скорее всего, от злости.

– Ты сейчас серьёзно? Как можно было забыть разменять деньги?

Он раздражённо вздохнул.

– Всё, иди уже, – он махнул рукой, снова отворачиваясь к своему телефону.

Я выдохнула и убрала кошелёк обратно в сумку. Выйдя из машины, я вытащила свои чемоданы, и как только я закрыла багажник – Марк незамедлительно уехал. Казалось, он вдавил педаль газа до упора.

Я подошла к домофону и позвонила в 12 квартиру. Мне ответил женский голос.

– Алло, кто?

Голос прозвучал недовольно.

– Это Ханako, дочка вашего мужа.

Женщина молча отключила домофон, и через несколько секунд дверь подъезда запищала и открылась. Я подпёрла дверь камушком и затащила чемоданы внутрь. К моему счастью, лифт работал. Я зашла в лифт и нажала цифру 9. Через секунд тридцать я была на нужном мне этаже. Позвонив в квартиру папы, через пару секунд мне открыла женщина лет 40. Она выглядела безразлично и, даже не поздоровавшись, пропустила меня внутрь. Я занесла чемоданы в квартиру, и Лиля заговорила:

– Твоя комната на втором этаже. Первая слева.

Второй этаж в квартире? Я даже не сразу поняла, что она имела в виду, но как только увидела в гостинной лестницу вверх, поняла, что она не шутит. Я занесла чемоданы к себе в комнату. Она была обычной, примерно десять квадратных метров: односпальная кровать, небольшой шкаф и тумбочка. Я быстро расположилась и села на кровать. Достав телефон, я набрала номер мамы.

– Ало, мам. Я уже у папы.

На том конце послышался женский голос с лёгким азиатским акцентом:

– Замечательно. Как добралась? Он встретил тебя?

Я рассказала маме всю ситуацию: и как папа сказал мне добираться самой, и как встретила грубияна по имени Марк, и как забыла разменять японскую валюту. Мы проговорили с ней около часа. Я услышала щелчок входной двери – пришёл папа. Я попрощалась с мамой и пошла на первый этаж. Мне сильно хотелось увидеть папу, я так по нему соскучилась! Спустившись по лестнице в коридор, я увидела отца. Он довольно-таки постарел и выглядел не так, как я его помнила. Он сразу подошёл и обнял меня:

– Дочка, я так скучал. Ты так выросла, уж очень изменилась.

Я обняла его в ответ. За спиной отца я увидела девочку, как я поняла, – это Юля. Она была довольно ярко накрашена, открыто одета и смотрела таким же недовольным, как Лиля, взглядом. Я решила поздороваться с ней – всё-таки сестра.

– Привет, Юля. Я Ханako, – я протянула ей руку, но она лишь фыркнула и проигнорировала моё приветствие. Молча она прошла мимо меня, как бы «случайно» задев меня плечом. Я опустила протянутую руку и обернулась на неё. Ей никто ничего не

сказал. Вместо этого папа пригласил меня позавтракать, я незамедлительно согласилась.

После завтрака я поднялась к себе в комнату и, переодевшись, решила прогуляться, а заодно разменять деньги. Я вышла из дома и пошла по тротуару. Мне не нравился тот факт, что я осталась должна Марку деньги.

Но и найти его в этом огромном городе, ничего не зная о нём, – невозможно.

Я спросила у прохожего дорогу в ближайший банкомат и отправилась туда. Разменяв свои деньги на рубли, я решила просто погулять по окрестностям. По дороге я заметила небольшую кофейню и решила зайти туда. Внутри пахло корицей и ванилью, играла успокаивающая мелодия. А через панорамные окна было видно всю улицу. Я заказала капучино, сразу оплатив его, и устроилась за столиком у окна.

Через минут пять мне принесли мой заказ, и я неторопливо начала пить кофе. Минут через десять я через окно увидела знакомую фигуру в знакомой одежде. Марк. Я быстро допила остатки кофе и выбежала из кофейни. Мне хватило пары секунд, чтобы догнать его.

– Марк! – окликнула я его. Он сразу остановился и замер, но не оборачивался.

Я подбежала к нему и встала перед ним, протягивая те 400 рублей, которые не отдала в машине.

– Ты что, искала меня, чтобы деньги вернуть? – он усмехнулся, убрав руки в карманы.

– Я случайно увидела тебя из кофейни. Деньги брать-то будешь?

Он помотал головой в знак отрицания.

– Нет, – в голосе слышалась насмешка.

– Я, по-твоему, зря бежала за тобой? – в голосе уже разрасталась злость, а Марку явно нравилась эта ситуация, судя по его улыбке.

– Ну почему же? Куда путь держишь, японская школьница?

– Желательно в РХГА, – выдохнула я, убирая деньги обратно в сумку.

– В гуманитарий поступать собираешься?

– Да, – коротко ответила я. – А для чего спрашиваешь?
– Ну пойдем, провожу тебя. А то вдруг заблудишься? – он сказал это так, будто маленькому ребенку, и двинулся вперед. Я постояла на месте, раздражённо прожигая его спину взглядом, а потом двинулась за ним.

Глава III

Странное поведение

Прогулка с Марком прошла довольно спокойно. Мы особо не разговаривали, только перекинулись парой фраз. Я подала документы в РХГА и, пройдя собеседование, мне сказали, что перезвонят и сообщат, приняли меня или нет. Марк проводил меня до дома, и я поднялась в квартиру. Было уже где-то 16:00.

Зайдя в квартиру, меня встретил тяжелый запах чего-то жаренного. Я разулась и прошла на кухню. За плитой стояла Лиля, а за столом сидели папа и Юля. Папа читал какие-то документы и, услышав мои шаги, поднял голову.

– Ханako, ты как раз к обеду. Присаживайся, – он отложил документы на полку рядом с собой.

Я сняла с себя сумку и села на свободное место за столом. Лиля поставила на стол жареную картошку с котлетами и подливой. Рядом положила хлеб и какие-то закрутки. От вида этой еды у меня скрутило живот. Я не привыкла есть такое – слишком жирное. Мой желудок не переварит такую пищу.

– Тёть Лиль, а можно мне какую-нибудь другую еду? Боюсь, что не смогу есть это.

Лиля посмотрела на меня и улыбнулась. Но эта улыбка была совсем не добрая или заботливая, скорее ядовитая.

– Ханako, здесь тебе не Япония. На сухом рисе и сырой рыбе не продержишься. Поэтому не вредничай и ешь.

Я выдохнула, и мне пришлось есть то, что положили. Во время трапезы мне как будто специально подкладывали добавки или другие закуски. Ближе к вечеру, как я и думала, у меня ужасно разболелся живот. Ни встать, ни сесть не могла. Ужин тоже пропустила, провалявшись на кровати весь оставшийся вечер.

На следующий день я проснулась из-за шума в комнате. Открыв глаза, я увидела Юлю. Она стояла у моего шкафа и перебирала мою одежду.

– Ты что делаешь? – я медленно села на кровати, скидывая с себя одеяло.

– А не видно? Ищу то, в чем можно пойти прогуляться, – она сказала это так, будто рылась не в моих, а в своих вещах.

– Ну вообще-то это мои вещи, – я встала с кровати, беря Юлю за плечо и разворачивая её к себе.

– Ну ведь эти вещи были куплены на алименты, которые выплачивал папа. А значит, это его деньги – соответственно, и мои. Поэтому я имею право их брать. Или тебе жалко для сестры? – она усмехнулась.

Я отпустила её плечо, сев обратно на кровать. Новая волна боли в животе обхватила меня.

– Ладно, бери. Только не порви и верни на место, – я провела рукой по волосам, тихо вздыхая.

Юля молча взяла пару вещей из моего шкафа и вышла из комнаты. Я решила не завтракать и пойти прогуляться, подышать свежим воздухом. Может, и станет легче.

Выйдя из подъезда, мне поступил звонок от Марка. Мы обменялись вчера номерами телефонов. Я быстро ответила на звонок.

– Ало, привет, – я сказала это тише, чем обычно, видимо из-за усталости. На том конце зазвучал уже знакомый монотонный голос:

– Привет, японская школьница. Занята сейчас?

– Нет. Погулять собираюсь, а что? – голос Марка на том конце чуть оживился, совсем незаметно:

– Отлично, иди к Васильевскому острову. Я буду ждать тебя там.

Не успела я спросить, как туда идти, как он тут же отключился. Поэтому мне пришлось воспользоваться навигатором и помощью прохожих. Наверное, минут через двадцать я добралась до Васильевского острова. Около каких-то многоэтажек стоял Марк. В лёгком пальто и брюках – эта одежда смотрелась на нём более красиво, чем те вчерашние мешки. Мы коротко поздоровались, и он, не вынимая рук из карманов, повёл меня в одну из многоэтажек. Мы поднялись к крыше и вышли на неё. Он сел на холодное железо и жестом пригласил сесть рядом. Я опустила на железо около него. Марк достал пачку сигарет и закурил одну из них. Я устремила свой взгляд на утренний питерский туман. Тишину нарушил спокойный голос Марка:

– Расскажи о своей семье, – он произнёс это, выдыхая сигаретный дым в воздух.

– Ну... – я задумалась, размышляя с чего бы начать. – Мои родители познакомились, когда папа приехал в Японию как турист. Они познакомились в ресторане. Папа случайно разбил посуду, и его уже хотели арестовать охранники, но мама заплатила им, и так папа не попал в тюрьму.

– Такое тёплое знакомство. Почему же они теперь в разных странах живут? – Марк не отводил взгляд от утреннего Питера.

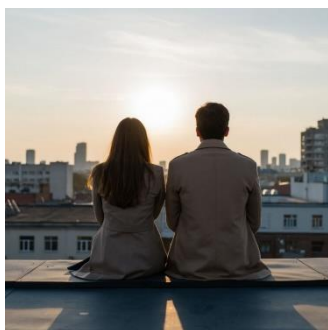
– Мне тогда семь было, поэтому помню размыто. Вроде как папа изменил маме, и поэтому она его выгнала. Очень много слёз тогда было. Я выдохнула, отгоняя плохие воспоминания.

– Теперь ты расскажи о своей семье. Наверняка они богатые, раз ты в брендовой одежде и на дорогом автомобиле разъезжаешь.

– У меня нет родителей. Я вырос у бабушки с дедушкой. От дедушки мне достался его бизнес, вот я и богатый, – он затушил сигарету и сбросил её с крыши.

Глава IV

Папа стал другим

Вечером следующего дня я наводила порядок у себя в комнате. Перебирая свою тумбочку с мелкими вещами, я наткнулась на старую семейную фотографию. На ней были изображены я, мама и папа. Мы все были такие счастливые. Стояли около цветущей весенней

сакуры. Папа держал меня на руках и радостно улыбался. На душе сразу потеплело. Может, если я покажу папе эту фотографию, то вызову у него хотя бы каплю ностальгии по старым временам? Так я и сделала.

В тот вечер у нас должен был быть ужин с папиным начальником. Перед тем, как всем собраться за столом, я подошла к отцу с той самой фотографией.

– Пап, смотри что я нашла, – я аккуратно протянула ему снимок.

Папа, застёгивая свой пиджак, мельком кинул взгляд на вещь в моей руке.

– Ханако, выкинь это старьё и иди одевайся. Через полчаса у

нас ужин, а ты всё ещё не собрана, – его холодный русский говор задел меня. Папа так и не поднял глаз от своего пиджака.

Сердце сжалось после его холодных слов. Он совсем не такой, каким его помню я и эта старая фотоплёнка. Почему он так изменился? За эти годы он перестал любить меня?

– Почему ты стал таким? – я произнесла это на японском, шёпотом.

Папа недовольно нахмурился. Где та его лучезарная улыбка, которая мелькает на всех общих фотографиях?

– Дочь, мы в России. Забудь этот птичий язык, – как он может называть язык любви птичьим? Раньше он разговаривал на нём даже чаще, чем на русском, и любил его.

Отец молча ушёл к себе в кабинет. Я осталась стоять одна, прямо как тогда в аэропорту. Посреди незнакомого мне места я вдруг почувствовала себя совсем одной, хотя в доме были люди.

Перед ужином мне написали из РХГА. Меня приняли! Хоть какая-то приятная новость. Несмотря на холодный разговор с папой, я всё же похвасталась ему своими успехами, на что он только хмыкнул и улыбнулся натянутой или вынужденной улыбкой.

Время ужина. Пара деловых партнёров отца сели за нашим столом. Почти половину вечера папа общался с ними по поводу каких-то отчётов, а я, Юля и Лиля просто молча ели. К моему счастью сегодня на столе присутствовал рис, и я смогла нормально поесть. Один из папиных коллег вдруг задал вопрос:

– А это что за милая девушка? Не видел её раньше у тебя, – мужчина кивнул головой в мою сторону.

– Это моя дочь от первого брака, я тебе рассказывал. Она поступила в лучший гуманитарный университет и скоро

станет европейским профи, – с одной стороны, мне было приятно, что папа так отзывается обо мне, но его голос звучал монотонно, будто он представляет какой-то проект по работе. Лиля вдруг резко начинает говорить:

– Да, Ханako очень умная девочка, только вот привереда и иной раз неуклюжа. Ничего, кроме своего риса, есть не хочет, говорит: «Это слишком жирно для неё», – в её голосе была слышна насмешка, и очень даже выражено. Словно она подшутила над чем-то незначительным. Коллеги папы хохотнули, и отец тоже усмехнулся шутке своей жены. Его лицо выглядело так, будто он не просто смеётся, а будто согласен с ней. Мне резко захотелось провалиться под землю; все эти пристально-обсуждающие взгляды меня нервировали и доставляли мне дискомфорт. Я чувствовала себя не в своей тарелке, как будто я выставлена как экземпляр для обсуждения.

После ужина я решаю поговорить с отцом.

Папа уже направлялся к своему кабинету, но я окликнула его, и он остановился. Я подошла к нему на расстояние вытянутой руки.

– Папа, почему ты никогда не вспоминаешь маму? Ты изменился. Ты стал как этот город... каменным, – я смотрела ему прямо в глаза, пытаясь прочесть в них ответы на все мои вопросы.

– Ханako, твоя мать была моей слабостью. А Петербург научил меня быть сильным. Тебе пора повзрослеть и понять: здесь выживают только те, кто умеет сбрасывать с себя старую кожу, – после этих слов он зашёл к себе в кабинет, закрыв дверь прямо у меня перед носом.

Я понимаю, что не хочу сейчас здесь находиться. Мне нужно отдохнуть, перезагрузиться. Я хватаю своё пальто и ухожу на улицу.

Я шла по ночному Питеру куда глаза глядят, не разбирая дороги. В итоге я вышла на набережную. Свежий сырой воздух казался блаженством по сравнению с тяжёлым запахом квартиры. Я вышла на мост, у перил кто-то стоял. Я остановилась, пытаюсь понять, кто это в такое время ходит по самому криминальному городу. Но туман не позволял что-то рассмотреть детально. Из темноты моста послышался уже знакомый мужской голос:

– Ты что здесь делаешь, японская школьница? – Марк как будто преследует меня, каждый раз вижу его, когда выхожу на улицу. Но честно сказать, мне в радость, что есть тот, кто может меня выслушать.

– Прогуляться вышла перед сном, – ответила я, подходя ближе к нему.

– Что-то случилось? Выглядишь вяленько, – он убрал руки в карманы, смотря на меня. Я рассказала ему всю ситуацию, которая только что произошла. Он внимательно слушал меня, не говоря ни слова. После моего рассказа он отвернулся к реке и тихо усмехнулся:

– Добро пожаловать в клуб сирот при живых родителях.

Глава V

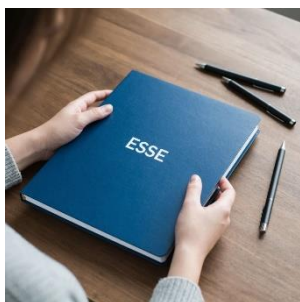
За что ко мне такое отношение?

Прошла неделя. И уже сегодня мой первый день в РХГА. Я встала как можно раньше, чтобы успеть собраться. Заплела аккуратный пучок и заколола на нем две шпильки крест-накрест. Учёба начиналась в 8:00 утра, поэтому 7:00 я была уже готова. Моё настроение сегодня было лучше, чем в остальные дни. Наверное, потому что я наконец-то иду туда, куда давно мечтала.

Я вышла из дома, и холодный утренний воздух взбодрил меня. Я вдохнула полной грудью и поспешила на автобусную остановку. Сев на автобус номер 7, я

почувствовала лёгкое волнение. Этот автобус проезжал мимо Васильевского острова и напомнил наши с Марком сиделки на крыше. Мне было так спокойно тогда...

Через полчаса я доехала до РХГА и направилась ко входу в академию. По пути со мной так же шли и другие студенты. В этот день моей группе поставили две пары: психологию и «Искусство и гуманитарные науки». Психология прошла спокойно, её вела милая пожилая женщина. Нам зачитывали лекцию, а потом задавали вопросы. После неё было время «Искусства и гуманитарных наук». Этот предмет вёл строгий мужчина средних лет; во время пары он то и дело кидал на меня хмурые взгляды. Из-за этого я сидела как на иголках и не могла сосредоточиться. Нам задали написать эссе на тему «Искусство и этика». Дома после пар я усердно старалась сделать своё эссе как можно информативнее и интереснее. Недолго думая, я решила написать его в японском жанре «моно-но аварэ», что переводится как «печальное очарование вещей». Эссе вышло на четыре листа А4. Я их аккуратно скрепила и положила в отдельную папку.

На следующий день на паре по «Искусству и гуманитарным наукам» я сидела и ждала своей очереди. Очень хотелось показать, насколько хорошо я справилась с работой. И вот назвали мою фамилию. Я быстро встала со своего места и вышла к преподавателю, протягивая ему свою работу. После её прочтения преподаватель хриплым строгим голосом проговорил:

– Твои размышления слишком туманны и не соответствуют стандартам нашей академии. Если приехала из Японии в Россию, то будь добра – не упоминай свою Родину в нашей стране. Он закрыл мою работу и поставил в журнал около моей фамилии тройку. Я попыталась объяснить, но из-за волнения мои слова путались с японскими, и это выглядело как признак полной неподготовленности. Из класса стали доноситься смешки и перешёптывания. Я чувствовала взгляды своих одноклассников на себе. Ужасное чувство: ненавижу, когда на меня все смотрят такими надменными взглядами.

Я забрала свою работу и села обратно на своё место. Пара продолжилась, но я уже особо не слушала. В голове был шум, словно я слышу все осуждающие мысли студентов.

На перемене я сидела в буфете и пила зелёный чай. Даже кусок еды в горло не лез. В этот момент сзади себя я услышала, как назвали моё имя в диалоге. Не оборачиваясь, я начала вслушиваться в разговор девушек. Я услышала, как меня назвали «странной японкой». После этого последовал диалог:

– Она ходит с таким лицом, будто ей все должны, – прозвучал первый недовольный голос.

– Папочка купил ей место, а она даже двух слов связать не может, – отреагировал второй голос с насмешкой.

Что? Купил место? Да с чего они взяли? Я собственным трудом поступила сюда! Если бы они знали, как я старалась, чтобы завоевать место в этой академии, они бы так не говорили. Я не допила свой чай и вышла из буфета.

Почему они считают меня высокомерной? Неужели из-за моей одежды или внешности? «За что ко мне такое отношение?» – проносится у меня в голове. Я понимаю, что моё молчание принимают за гордость, а боль – за каприз. Но почему люди судят только по первому взгляду? Я ведь совсем не такая, какой меня восприняли.

Будто сама не зная, что делаю, я ухожу из академии, не дождавшись конца пар. Через двадцать минут я сидела на Васильевском острове над водой и смотрела себе в ноги. Вдруг кто-то подсел рядом. Марк? Он словно чувствует мои моменты срыва и приходит в самый нужный момент. Он не проронил ни слова. Просто сел рядом и протянул мне наушник. В нём играла музыка наподобие дарк-джаза. Я прерываю молчание спустя несколько минут:

– За что они меня так ненавидят? – я перевела взгляд на Марка, который безэмоционально смотрел на тихий Финский залив.

– Они не ненавидят тебя. Они тебя боятся, потому что ты настоящая, а они – декорации этого города, – он опустил взгляд на свои руки. – Так уж принято, что люди идут в наступление, чтобы не показать свой собственный страх.

Глава VI

Любить так тяжело...

Следующие два месяца в университете мне казались адом. Я старалась изо всех сил, но меня будто нарочно валили. Ещё и одноклассники стали насмехаться буквально из-за всего: и из-за одежды, и из-за причёски, даже из-за разреза моих глаз. Меня нелепо пародировали, изображая мой японский говор как невнятные звуки. Единственным успокоением был Марк. Нет, мы не разговаривали по телефону часами, мы гуляли по набережным за ручку. Я просто при встрече рассказывала ему всё, что случилось, а

он молча слушал. После мы просто в тишине сидели на набережной или гуляли. Было дело, когда мы просто ехали на метро до конечной, слушая музыку в его наушниках. В нём я находила какую-то тихую гавань, где отдыхала и расслаблялась после ужасного дня.

После очередной прогулки с Марком я вернулась домой. Был уже вечер, мне очень хотелось побыть с папой. Поэтому я пошла к нему в кабинет. Постучавшись в его дверь, я зашла к нему; он поднял голову от компьютера на меня. Не дав ему задать вопрос, я сказала:

– Я просто так пришла. Посидеть. Не буду мешать.

Я тихо села на диван в его кабинете, наблюдая, как он молча опустил голову обратно к компьютеру. Спустя минут десять молчания я перевела взгляд в открытое окно, где было видно звёздное ночное небо, и спросила:

– Пап, а помнишь, когда мне пять было, мы с мамой гуляли в парке Уэно? Я помню всё так чётко, будто вчера это было. Ты тогда пообещал, что мы всегда будем путешествовать вместе.

– Ханако, это было сто лет назад. Другая страна, другие обстоятельства. Зачем ворошить то, что уже не вернуть? – произнёс он, не отрывая взгляда от компьютера.

– Иногда мне кажется, что та счастливая девочка осталась там. В парке. А сюда приехал кто-то другой, – я опустила глаза в пол.

– Хватит этого драматизма. У тебя есть крыша над головой, лучшая академия Питера, семья. Что тебе ещё нужно для счастья? Улыбнись хоть раз, а то на тебя смотреть страшно, – он поднял на меня свои глаза, смотря на меня так, будто я ему надоела со своими проблемами.

– Ладно. Я пойду спать, – я тихо встала и ушла из его кабинета, прикрывая за собой дверь. Я направилась к себе в комнату; почему-то именно сейчас мне хотелось

расплакаться. Я рухнула на кровать, закрывая лицо подушкой.

На следующее утро я, как обычно, неохотно пошла на учёбу. Я уже мечтала о зимних каникулах, чтобы больше видаться с Марком. В какой-то момент я поняла, что часто ловлю себя на мысли о Марке. Я часто вспоминаю наши прогулки и его лицо. Иногда я представляю, что он рядом, и мне становится легче.

После пар я быстро шла на обычное место встречи с Марком. Он уже стоял там. Как только я увидела его лицо, моё сердце сразу ёкнуло, но вместе с этим я будто почувствовала облегчение. Я сразу подошла к нему. Мы кивнули друг другу в знак приветствия и пошли гулять. Мы просто молча шли прямо минут двадцать, затем он своим обычным монотонным голосом произнёс:

– Ты сегодня другая. Обычно идёшь поникшая, а сейчас – будто поёшь внутри, – он говорил как обычно, не глядя на меня.

– Да, вроде всё, как всегда. Просто в академии сегодня спокойнее было, – я смотрела себе в ноги. Он лишь хмыкнул в знак того, что услышал меня.

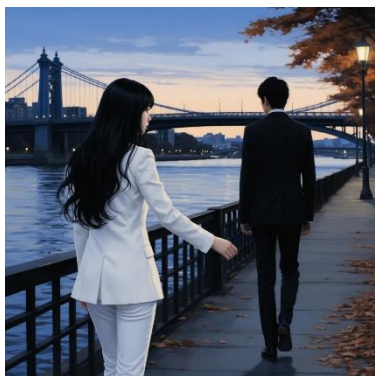
Так мы гуляли до позднего вечера. Мне было очень хорошо рядом с ним, и я не хотела расставаться. Я даже начала думать, что влюбилась, но сразу отгоняла эти мысли.

Прошёл, наверное, месяц, и я начала понимать, что действительно испытываю чувства к Марку. С каждым днём мне было всё сложнее уходить от него домой. Я таяла от его монотонного голоса и растворялась в его зелёных глазах.

Глава VII

Конец

Уже ноябрь. Холод, слякоть и моё подавленное состояние. В доме полный хаос. Ненависть мачехи и сестры и безразличие отца. Иногда я думала, что у меня депрессия, но все эти мысли сразу уходили, когда я встречалась с Марком. Он был как мой собственный психолог. Я рассказывала ему всё, что у меня случается, и сразу становилась легче. Свои чувства я скрывала от него около месяца, до момента, пока это стало невыносимо. В тот день, после учёбы я собиралась признаться ему во всём, в надежде на взаимность.

Учёба прошла как обычно – в напряжении. После неё я пошла домой, чтобы переодеться и привести себя в порядок. Дома меня встретили всё тем же молчанием и надменными взглядами, к которым я уже привыкла. Я молча поднялась в свою комнату и переоделась, так же

молча уйдя из квартиры.

Я пришла на место встречи с Марком. Сердце ликовало, когда я его увидела. Мы, как обычно, кивнули друг другу и пошли по набережной. Гуляли около двух часов, слушали его музыку, сидели на скамейках, пили горячий кофе из ларька. Мне было так комфортно, будто во сне. Когда мы стояли на мосту, я решила начать говорить, но он внезапно опередил меня. Его голос прозвучал холоднее обычного.

– Я сегодня уезжаю, – у меня аж сердце защемило.

– Уезжаешь? Куда? – мой голос предательски дрожал, пока я всеми силами пыталась собраться с мыслями.

– Это неважно. Ты помогла мне избавиться от двухлетней депрессии. Это всё, что от тебя требовалось. У меня

больше нет причин с тобой встречаться. Ты свободна, – с этими словами он развернулся, чтобы уйти, но я схватила его за рукав куртки.

– То есть? Ты меня вот так просто... предал? – он, не разворачиваясь, ответил мне, чуть усмехнувшись.

– Не предал. Я тебя просто использовал в собственных целях. А ты, японская школьница, слишком доверчива. Я такая же гнида, как все здесь, – он отмахнулся от моей руки и пошёл прочь, лишь молча поднял руку и помахал мне.

У меня внутри всё рухнуло. Единственный человек, который был мне как никто дорог, отвернулся от меня. Слезы сами по себе потекли по лицу. Я уже не слышала окружающий мир, словно была погружена в толстый слой оболочки. В глазах темнело, я думала, что вот-вот отключусь, но проезжавший мимо велосипедист привел меня в чувства. Он обрызгал меня водой из лужи. Прямо на новый белый костюм.

Подавленная, я поплелась домой. Единственный человек, с которым мне сейчас хотелось пообщаться, – это мама. Поняв, что я забыла телефон дома, я пошла быстрее.

Когда я зашла домой, меня встретили другими взглядами. В них были искры, будто бы они только что мне что-то сделали, о чем я ещё не знала. Заметив это, я быстро поднялась к себе в комнату, проверяя все вещи на следы проделок. Но всё было в порядке, что странно. Немного успокоившись, я взяла в руки телефон и набрала номер мамы. Один, два, три гудка. Нет ответа. Перезваниваю, снова сброс. Я начала переживать и зашла в мессенджер. У меня внутри похолодело. У мамы в статусе «Был(а) давно», а в чате – мной отправленное сообщение, которое я не писала:

«Привет, мам. Хотела тебе сказать, что жизнь с папой мне угодила больше, чем с тобой. Тут и город огромный, да и, в принципе, намного лучше. Мачеху я теперь считаю более родной, чем тебя. Да и, честно сказать, насчет твоего переезда ко мне я наврала. Ха-ха, ловко я, да? Короче, давай разбежимся и не будем распускать слезы. Удачи там тебе, пока».

Я пыталась отправить ей сообщение, но я была заблокирована, и они не доходили. Слёзы снова подступили к глазам. Я упала на подушку, снова и снова пытаюсь дозвониться до мамы. Сдавшись через час, я просто безэмоционально смотрела в потолок. Резко встав с кровати, я скидала в чемодан все вещи и пошла на выход из квартиры. Я знала, что отцу говорить бесполезно – он просто продолжит покрывать свою жену и дочь. Но поставить на место его и его семью мне хотелось больше, чем уйти. Я аккуратно прошла в его кабинет и открыла его компьютер. Создав новый документ, я начала быстро печатать:

«Я даже не хочу называть тебя отцом. Мама была права – ты предатель. И твоя новая семейка такая же, как ты: они тебя испортили. Мне просто не хватит слов, чтобы описать, какой ты ужасный человек. Ты даже не желал слушать меня, когда я тебе рассказывала про свои проблемы. Ты постоянно покрывал своих женушку и дочь, которые испортили всё моё время проживания здесь. Я не такая, как вы, и не стану желать вам смерти. Живите и радуйтесь, вашу судьбу рассудит Бог. Удачи вам. Надеюсь, что мы больше никогда не увидимся. Прощай».

Я молча и быстро вышла из квартиры, слыша за спиной довольные смешки. Я медленно шла по набережной, таща за собой чемоданы с вещами. Я остановилась у реки, поставив чемоданы рядом.

Куда мне теперь идти? Обратно я не вернусь точно – не собираюсь гнить в этом токсичном обществе. В Японии меня не ждут – мама даже на порог меня не пустит, да и денег на билет у меня нет. А Марк... А что он? Он просто использовал меня, я ему никто и звать меня никак. Оставив эти мысли вместе с вещами там, у набережной, я скрылась в вечернем тумане Питера.

P.S.

Да, после того как я всё это написала, мне действительно стало легче. Наверняка вы задаётесь вопросом: «Как и где я сейчас?». Ответ прост и прозрачен: сейчас я в Москве. Замужем, есть прелестная дочка. Работаю директором в педагогическом университете.

В тот день, когда я думала, что всё кончено, я наткнулась на стационарный телефон, с которого и позвонила маме. Она как никто другой поняла меня и выслала денег на первое время. Я сняла комнату в общежитии, закончила обучение в РХГА и устроилась на работу. А после, как и обещала, привезла маму к себе в Россию. А отец... Отец сел в тюрьму за неуплату налогов. Лиля спилась, а фото юной Юли мелькает в объявлении о розыске. Сейчас я могу назвать себя счастливой, ведь имею всё, что так хотела.

Борисенко Милана
МКОУ «СОШ № 85
имени Героя Советского Союза
Н.Д. Пахотищева»,
учащаяся 8 класса.

Любовь в универе

Глава I

Из-за горизонта вставало раннее солнце. Оно постепенно брало город в объятия своими солнечными лучами. На кухне уже закипал чайник. У плиты неторопливо мама жарила оладушки. Я проснулась в пол-одиннадцатого утра. Встав с кровати, поплелась в ванную, прихватив телефон, который всю ночь стоял на зарядке. Я подошла к раковине, принялась чистить зубы и умываться. После спокойно направилась на кухню. Войдя туда, сразу почувствовала аромат только что приготовленных оладушек и кофе, который варила мама.

Подойдя к плите, сразу услышала ласковый голос мамы:

– Доброе утро, милая, как спалось?

Я тихо ответила, потирая лицо после долгого сна:

– Доброе утро, мам, спалось прекрасно.

Я потянулась к полке и, достав тарелку, положила на неё оладушки. Поставив кружку на стол и взяв турку, налила кофе.

Я спокойно завтракала, как вдруг на телефон внезапно поступил звонок. Я слегка дёрнулась от неожиданности, отложила вилку и быстро взяла телефон, обнаружив, что на экране высветилось имя Джеймс. В мыслях сразу пронеслось: «Что ему надо с самого утра?» Медленно подняла трубку и, прогоняя сон, произнесла:

– Привет, Джеймс.

С другого конца донёлся низкий мужской голос Джеймса, в нём была нотка неуверенности:

– Привет, Джулия, я надеюсь, что не разбудил тебя?

– Нет, не разбудил. Зачем позвонил?

– Хотел спросить тебя, не против ли ты пойти всей компанией посмотреть хоккей вечером?

Я на секунду задумалась, что же ответить, а он, не дожидаясь моего ответа, продолжил.

– Уверяю, будет классно, билеты ещё и на VIP-места! Такой шанс упускать нельзя, даже Мэлл согласилась пойти, – с азартом произнёс Джеймс.

Немного задумавшись, вспомнила, что всё ещё с ним разговариваю, я ответила:

– Согласна, во сколько начало?

– Начало в семь, не переживай, если опоздаешь, для тебя у меня особое место найдётся, – иронично произнёс он и, как мне показалось, даже насмешливо улыбнулся.

Меня немного разозлила его шутка, и я недовольно промолвила:

– А у меня для тебя всегда рука свободна, чтоб дать тебе подзатыльник!

– Ладно, – игриво произнёс он. – В общем, мы с Майклом подъедем за тобой в шесть тридцать, будь готова, а то моя шутка может и не шуткой оказаться, – издевательским тоном проговорил он.

Я фыркнула:

– Да ну тебя! Хорошо, буду готова к шести тридцати.

После он сбросил трубку. Я же, недовольно закатив глаза, продолжила завтракать. Все мои мысли были о Джеймсе. Я пыталась их отогнать, но, честно, из раздумий меня вырвала мама, спрашивая:

– Кто такой Джеймс? У тебя парень появился, и ты даже не сказала? – с усмешкой произнесла мама.

Я нервно ответила:

– Что? Джеймс – мой парень? Нет, мам, он мой друг. Просто звонил, чтобы позвать на хоккей, –

пробормотала я, чувствуя, как щеки заливаются румянцем от неловкости.

Возрастная группа 15 – 18 лет

Карпова Елизавета,
МКОУ «СОШ № 85 имени Героя
Советского Союза Н.Д. Пахотищева»,
11 класс.

Оставайся за линией безопасности

Помню тот вечер, как будто вчера:
Серый перрон, фонарей мишура.
Ты смеялась – в глазах твоих искры огня,
Говорила: «Проводишь до дома меня?»
А я, дурак, отвечал: «Да, хоть на край света!»
Не знал я, что это последнее лето.

Мы были как дети, играли с судьбой,
Бежали по рельсам, кричали: «Постой!»
Мир был огромным, а мы его – центр,
Каждый наш день – как фрагмент киноленты.
Ты восклицала: «Смотри, лечу я, как птица!»
А я боялся, что сможешь разбиться.

«Оставайся за линией безопасности», –

Надпись на плитке, как глас из вечности.
Я повторял тебе это раз двести,
Просил быть умнее, остаться на месте.
Ты лишь махала рукой: «Не бойся, милый,
Со мной ничего не случится, я под защитой силы».
Какой силы? Юности, веры в удачу?
Я видел опасность, я видел иначе.
Гудок вдалеке, как раскатистый гром,
Прошил тишину, разрушая наш дом.
Тот хрупкий мирок, что мы строили вместе
Под звуки колёс, под ужасные вести.

Ты встала на рельсы, раскинула руки,
Ловила мгновенья, спасаясь от скуки,
Кричала, что поезд – всего лишь дракон,
Которого ты приручишь, таков закон.
Я замер, вцепившись в холодный гранит,
И сердце моё превратилось в магнит...

Магнит, что тянул меня следом к тебе,
Но ноги вросли, покорившись судьбе.
Я лишь просил: «Назад, умоляю, вернись!»
Но ветер унёс мою тихую мысль.
Ты обернулась, улыбка на бледном лице,
Как будто стояла в венчальном венце.

И свет его фар ослепил, как восход,
Закончив твой дерзкий, безумный полёт.
Секунда – и мир раскололся на «до»
И «после», где стало навеки темно,
Где твой силуэт растворился во мгле,

Оставив лишь эхо кричать в тишине.

Я помню визг тормозов, скрежет стали,
Как люди вокруг в один миг замолчали,
Как небо упало свинцовой плитой,
Когда я понял, что ты не со мной,
Что линия эта – жёлтая краска,
Была не запретом, а тонкой подсказкой.

Теперь каждый вечер я здесь, на перроне,
В том самом последнем проклятом вагоне.
Смотрю на пути, где трава проросла,
Где ты так нелепо из жизни ушла.
И голос диспетчера, строгий и чёткий:
«Оставайся за линией безопасности!»

А я не остался. Я перешагнул
В мир, где твой смех навсегда утонул.
Где каждый гудок – это выстрел в упор,
Где чувствую взгляд твой, как будто укор,
Где рельсы доносят звук шпал и камней,
Становясь с каждым днём холодней и больней.

Мне снятся твои ледяные ладони
И поезд, что мчится в безумной погоне.
Он гонится не за тобой, за моею душой,
Что рвётся из тела, крича: «Я с тобой!»
Но я просыпаюсь один на краю
И снова твою фотографию мну.

Прости, что не смог, не успел, не догнал,

Что руку твою в тот момент не держал.
Я выучил фразу, как вечный завет,
Которой цены в нашей юности нет.
«Оставайся за линией...», – шепну в пустоту,
Сам же давно перешёл ту черту.

Усик Варвара

ОГБПОУ «Тайшетский медицинский техникум»,
студентка 1 курса.

Черная полоса

Она устала.
Ей больше не нужно признанья.
Она так решила.
Вдвойне ей хватило страданья.
И было ей больно,
И обида сжимала грудь.
Она не была довольна –
Ей хотелось лечь и заснуть.
Заснуть, уйти навсегда,
Убежать от людей и забот.
Может, примет её вода?
И всё, быть может, пройдёт?
Пропадет нужда крест этот несть,
Она вырвется из сетей.
Исчезнут тоска и ненависть,
Но, увы, вместе с ней...
Тяжело и обидно в душе,
Но она же совсем не слабая.

Ни к чему теперь этих жертв,
Хоть и горько ночами плакала.
Она вырвется из оков,
Улыбнётся летнему солнышку,
И порвёт на сотню кусков
Свою жалкую чёрную полосу.

Мой Ангел

Ты была со мной день и ночь,
Ты сжимала ладонь мою,
Отводила печали прочь,
Чтобы снова я был в строю.
Ты – мой ангел в халате белом,
За тебя я Богу молюсь.
В этот мир, осточертелый,
Никогда уже не вернусь.
Не вини себя в смерти моей,
Суждено было этому сбыться.
Так смотри же на мир веселей,
Ещё всякое может случиться.
Я люблю тебя, ангел мой!
Не хочу уходить в могилу.
Ты не станешь моей женой,
Но навеки будешь любимой.

12.02.2026

*«И дыхание станет ровней,
И страданья отступят куда-то,
Лишь нагнутся к постели твоей
Люди в белых халатах...»
Л. Ошанин*

Люди в белых халатах

Что, если бы исчезли все врачи?
Что б делали тогда другие люди?
Спасал бы кто от смерти их в ночи?
Никто б и не мечтал тогда о чуде.
Представьте, что не будет ни больниц,
Ни пунктов медицинских, ни аптеки,
Лишь множество больных и томных лиц,
На муки обречённых вовеки.
Представьте, что на свете нет теперь
Ни фельдшера, ни медсестры, ни брата.
Тогда не сосчитать уж нам потерь,
Громадную мы понесём утрату!
Поверьте, что на свете без врача
Нам было б в жизни очень уж несладко.
Давайте же не будем сгоряча
Судить о них и хмуриться укладкой.

16.02.2026

Бабурина Дарья
РЖД лицей № 12,
11 класс.

Любовь

Любовь. Я слышу любовь отовсюду:
И в шорохе листьев, и в каплях дождя по стеклу.
Любовь. Отчего же любовь так похожа на чудо?
Потому что, наверно, я любовью живу.

Она начиналась с материнских объятий
И продолжалась в звонком смехе друзей.
Появлялась она в добром учителя взгляде.
И в солнечном свете сентябрьских дней.

Проносясь по лужам озорным первоклашкой,
Любовь догоняла самых быстрых людей.
И запах сирени так сладок, так важен,
Ведь, слыша его, мы слышим о ней.

Из далёких краёв возвращаясь домой,
Ты любишь дорогу, которой идёшь.
Ведь там тебя ждёт семья и покой,
И ты встречи с ними волнительно ждёшь.

И утром ранним, идя на работу,
Мы все, как ни странно, вдыхаем любовь.
Не видно её, но чувствуешь заботу,
С которой она окружает нас вновь.

Но скажешь ты: «Такого не бывает,
Ведь большинство любовь обходит стороной».
Ты просто сам пока не понимаешь,
Что нет здесь смысла думать головой.

И когда принесёшь ты с мороза котёнка,
И в миску нальёшь ему чуть-чуть молока,
Поймёшь, что любви не нужно быть громкой –
С тобою всегда в твоём сердце она.

Ты вспомни тогда своё лето в деревне,
И краски заката на волнах реки,
И тот разговор под берёзой душевный,
И в этом, во всём, так много любви.

А Родина наша? А наши просторы?
Они окрыляют, надежду даря.
Леса и озёра, высокие горы –
Всё это любовью наполняет меня.

Я выйду наружу, вдохну полной грудью,
Ну как же милы мне родные края!
Я этой любви никогда не забуду:
Ни с чем абсолютно не сравнима она.

Прочти стихи любимого поэта,
Взгляни в холсты великих мастеров.
Послушай же: не надо быть экспертом,
Чтобы понять, чего в искусстве их полно.

Ведь выдающимся не станет эгоист,
Не станет тот, кому плевать на жизнь.
Ведь только тот, кто ценит каждый лист,
По-настоящему величия достиг.

Любовь? Любовь есть в каждом жесте,
Она незрима, но так приятна и мила.
Любовь навечно, пока люди вместе,

Пока на всех котят нам хватит молока.

Глушкова Ирина
ОГБПОУ «Тайшетский медицинский
техникум»,
студентка 1 курса.

Ангелы в белом

*Вечный подвиг, он вам по плечу,
Ваши руки бессонны и святы.
Л. Ошанин*

Фельдшер – что значит это слово?
Час сна, обход, уколы, пациент...
Нужна ты всем, на всё готова,
Чтоб жизнь спасти в любой момент.

Ты, словно ангел, в белом ходишь,
Помочь готова всем, всегда.
Лекарство и любовь с собою носишь,
Спасаешь нас, когда стучит беда.

Ты врач, и в ветер самый вьюжный
Спешишь скорее ты к больным.
Ты верный друг, бесценный, нужный,
Судьба твоя – счастливое служение им.

Не ради славы, шума, не в награду,

А просто за душевный чей-то взгляд.
Пусть жизнь твоя идёт, как людям надо,
И сотни глаз, тебя любя, благодарят.

Здоровья, фельдшер дорогой мой, и терпенья
Хочу сегодня вновь тебе я пожелать,
Удачи, сил, везенья, счастья, вдохновенья...
И никогда в работе усталых рук не опускать.

Пусть каждый день ваш добрым будет!
Хранитель-ангел бережёт от зла и бед!
Пусть каждый миг вам новое добудет!
Короче говоря, профессиональных вам побед!

2026 год.

Хлебникова Ульяна
МКОУ «СОШ № 85
имени Героя Советского Союза
Н.Д. Пахотищева»,
11 класс.

Трамвайное вдохновение

Люблю, когда ветер волосы треплет мои.
Вмиг ощущаешь себя у обрыва отвесной скалы,
Где дикое море на тысячи бьётся зеркал,
Лаская зайчатами солнца озёра души, цвета дивный опал.
Где мёда душистого запах напомнит вкус тёплого чая,
Где сочный цвет мака, пробившего толщу земли,

Легко, будто солнечный луч, изнутри согревая,
Ложится коварно на пухлые губы мои.
И пылкое сердце ускорит свой ритм движенья,
Загромыхают аккорды музыки рвенья,
И вдруг прозвучит:
«Что за недоразумение?!»

И разум остынет от помутнения.
Всё это было не наяву,
И вместо обрыва машины летают,
И шлейфы прохожих повсюду слоняются.
Мальчишка стоит – тебе по колено,
Ресницами машет в знак удивления:
«Вы так вдохновенно рванули к шоссе...»
Стало всё ясно, пасмур привнёс
В твой четверг мир заоблачных грёз...

Толпа остановки создаст симбиоз,
За место в трамвае начнутся бои,
И мысль придёт со звоном колёс:
«Люблю, когда ветер волосы треплет мои!»

Через окно

За стеклом окна зажётся огонёк.
Ребёнок – чистый лист, вибрато струн через себя
перепустив,
Изгиб гитары приняла, чтоб навсегда в сердечке юном
мелодии течение поселить.
И жить по нотам предстоит,
И в ритме вальса думать.
Вновь испечённый млечный разум не сломить:
Пройдёт свой путь, ломая такты,

Репризы пропуская – царапины завистных рук, да будь они счастливы!

И та девчонка будет благодарна за след на сердце,
выжженный: «Бесповоротно музыкой больной».

Любовь по воздуху не передашь, но ею можно
вдохновиться.

Спасибо тем, кто дышит нотой «соль», и каждый вдох
морской проносится волной, рождая музыкантов.

И, только дверь приотворив в волшебный мир с
аккомпанементом Баха,

В то место, ставшее рассветом и закатом,
пришлось захлопнуть с гулким эхом, скрипачек напугав....

И быстрым шагом мимо окон иду, звеня скатившейся
слезой,

И первый нотный стан свой вспоминаю,

И коллектив свой музыкальный – навеки он со мной.

Я человек, с таким же ухом, пальцем.

Но разве в том отличие, что мир для музыки наполнен
газом, а космос – вакуум?

Но вам, непосвящённым, и пауза окажется молчаньем.

Каверзин Кирилл
ГБПОУ ИО «Тайшетский
промышленно-технологический
техникум»,
студент 1 курса.

Во сне, над небесами летая,
Ищу я только одну.
Под мириадами звёзд пролетая,
Тебя, тебя я ищу!

Ту, что всем сердцем обнять я мечтаю,
Ту, в чьих глазах потонуть я смогу.
Но в печали я вновь погрязая,
Найти я тебя не могу.

И нет мне покоя, нет её на Земле.
Подняться бы мне чуть повыше.
И вдруг замечаю на дальней звезде,
Ту, что провожала закаты на крыше.

Лечу я к тебе, лечу и мечтаю
Взять тебя за руку нежную,
Обнять и сказать: «Я люблю тебя!»
Проходит секунда – я так и делаю...

Прикосновение

Я протягиваю руку к небесам,
И мне не важно на других.
Зачем и для чего? Не знаю сам.
Хочу узнать, кто же живёт на них?

Или меня так манят серые просторы?
Или хочу я побывать на облаках,
Откуда открываются невиданные взоры?
Или хочу я раствориться в небесах?

И вдруг руки моей коснулась дева,

Она как ангел... Нет, она и есть.
И, кинув взгляд куда-то влево,
Она исчезла – куда, не весть...

11.02.2026

Позднякова Кристина
МКОУ СОШ №1 имени
Н. Островского г. Тайшета,
учащаяся 11 класса.

Дядя...

Я хочу, чтобы дома был дядя,
Но, увы, не бывать тому.
На ужасы мира не глядя,
Он ушёл от нас на войну.

Мы ждали его два года,
И вот злосчастная новость
Разрушила нашу мечту...
Мой дядя вернулся в гробу.

Возможно, у него были бы дети,
У меня тогда – сестра или брат.
Но счастье такое не светит
Ни мне, ни ему, ни нам.

Прошу, остановите несчастье!

Ведь мой дядя – не последний солдат,
Который, уйдя из дома,
Уже не вернётся назад.

25.02.2026

Саламова Сабина
МКОУ «СОШ № 85
имени Героя Советского Союза
Н.Д. Пахотищева»,
учащаяся 11 класса.

Современный мир

Где вся любовь, которую всегда мы видим в книгах?
Где письма и признания в любви?
Где мир, в котором только две души?
Где встречи и прогулки в парке?
Где серенады у окна?
Всё это в двадцать первом веке заменил виртуальный
мир...
И нет той искренности в сообщениях, что была в письмах
от руки...
Душа людей и разум застыли в интернете, в сториз, и в
ВК...
Не будет в двадцать первом веке того душевного тепла, не
будет искренней и речи от тех людей, чьих писем я
ждала...

* * *

Когда мне ложь ласкает слух,

И обещаний звон так глух,
Клянутся правду говорить,
Но нить доверия разбить.
В мелочах обман ползёт,
И сердце горько так поёт.
А коль беда придёт большая,
Как верить, душу раскрывая?
Вдруг всё вокруг – лишь маскарад,
И дружба – лживый виноград?
Истории мои – лишь бремя,
Общение – тягостное время?
Держусь я мнения простого:
Желанье есть – свершим мы снова.
А нет огня – зачем стараться,
Ресурсы тратить, надрываться?
Отдам всю силу, всю энергию тому,
Кто бережёт, словно хрусталь.
А кто в бездействии погряз –
Прощай, не трачу время зря на вас.

Лазарев Матвей
ОГБПОУ «Тайшетский медицинский
техникум»,
студент 2 курса.

Мой любимый «Шерлок Холмс»

*Посвящается моему любимому деду,
Лазареву Виктору Васильевичу.*

В маленьком кабинете рентгеновского отделения ОГБУЗ «Тайшетская районная больница», где воздух всегда пах озоном и стерильностью, я часто видел деда за работой. Лазарев Виктор Васильевич – рентгенолог с тридцатилетним стажем, человек, чьи руки умеют «видеть» сквозь кожу и кости. Дедушка – не просто врач. Он как детектив, разгадывающий загадки человеческого тела. Я, Матвей, студент Тайшетского медицинского техникума, часами сидел в углу его рабочего кабинета, наблюдая, как он спасает жизни одним взглядом на чёрно-белый снимок. Именно эти моменты подтолкнули меня захотеть стать фельдшером – помогать людям так же, как он.

Вот дедушка встречает очередного пациента – пожилую женщину с болью в груди. Он бережно усаживает её на стул у стола, берёт потрепанную историю болезни и начинает заполнять анамнез. Его ручка быстро скользит по странице: «Жалобы: одышка при нагрузке, кашель по утрам». Я вижу, как он наклоняется ближе, пристально вглядывается в лицо больной. «Расскажите, бабулечка, когда это началось? Простите, что я у вас спрошу, курили ли? Были ли травмы?» – продолжает он мягко, но настойчиво. Женщина смущается, а дедушка терпеливо записывает: «Аллергические реакции – нет; наследственность – отец умер от инфаркта». Затем отмечает: «Сердцебиение 88, давление 140/90». Каждая буква в его блокноте – как ключ к диагнозу.

Закончив заполнять данные, дедушка ведёт пациентку к аппарату. «Пожалуйста, снимите блузку, стойте ровно, не двигайтесь», – просит он спокойно. Надевает на неё защитный фартук, регулирует столик и делает снимок – тихий щелчок, вспышка. Ждёт, пока плёнка проявится в тёмной комнате... И вот она, разгадка тайны организма! Выходя с готовым снимком, прикладывает его к экрану. «Смотрите, ребро сломано, зато лёгкие не задеты, абсолютно чисты!» – мягко говорит он, немного шутя, и улыбается пациентке. Женщина облегчённо вздыхает, а дедушка кивает: «Теперь-то знаем, в чём дело! Полечимся!».

Иногда я видел тяжёлые случаи. Мужчина после аварии. Дедушка снова берёт блокнот: «Травма головы, рвота, потеря сознания?» Записывает: «Сердцебиение учащённое, сознание спутанное». Делает снимок черепа, внимательно изучает. «Перелом основания! Срочно хирурга!» – почти кричит он в трубку дежурному врачу хирургического отделения... Пациента спасли волшебники-врачи, и дедушка просто кивнул: «Работа у нас такая такая!».

А дома дедушка совсем простой, добрый и заботливый повар. Нет, не повар. Настоящий кулинар! По вечерам он постоянно что-то готовит, стараясь вкусно меня накормить. «Матвей, садись, пробуй плов!» – зовёт он, перемешивая в кастрюле «вкуснятину» с ароматными специями. Его борщ, густой, наваристый, ароматный, сам просится в рот! А пельмени ручной лепки – просто произведение искусства! Думаю, не всякая хозяйка умеет так красиво слепить «ушко с мясом»! «Врач должен питать не только душу, но и тело», – шутит он, накладывая добавку. Наши ужины – как продолжение его работы:

забота в каждом слове, в каждой порции, в каждом лакомом кусочке для меня и моей бабули.

Смотря на деда, я восхищаюсь: его терпение в работе учит меня слушать пациентов. Шутка про лёгкие – разряжать напряжение. Звонок хирургу – работать в команде. А кулинария деда показывает: это забота «обо всём человеке». Благодаря Виктору Васильевичу я иду по пути становления фельдшера в Тайшетском медицинском техникуме. Он – мой герой, исследователь невидимых тайн.

Бондарь Алиса
ГБПОУ Иркутский
гидрометеорологический техникум,
студентка 1 курса.

Памятная игрушка

Не всегда есть возможность уследить за всеми своими воспоминаниями. Иногда часть собственной жизни забывается или откладывается очень глубоко до той поры, пока что-нибудь не заставит это воспоминание пробудиться.

На верхней полке стоял поезд, без железной дороги, с до смешного большими деревянными колёсами, потёртый и местами с отставшей краской, но всё ещё занимающий своё почётное место в комнате Арсения. Ещё двадцать лет назад этот поезд подарила ему ныне покойная

прабабушка, у которой эта игрушка сохранилась из её собственного детства.

Самому Арсению тогда было три года, и прабабушку свою он запомнил не очень хорошо, так как из жизни она ушла через пару лет после этого подарка. Однако всем остальным родственникам это не мешало напоминать маленькому мальчику о том, чей это подарок и при каких обстоятельствах изначально была получена эта игрушка.

Сейчас же Арсению почти двадцать четыре года, он уже заканчивает университет и готовится встретиться со всеми проблемами выпускника: подготовка к выпускному, защита диплома и очередная курсовая работа, которая оказалась во всей этой каше очень некстати. Сенья учится не плохо, ему нравится его специальность и преподаватели, но это совсем не делает его любителем больших текстовых работ; наоборот, они, скорее, выматывают его.

За окном уже постепенно темнеет, когда Арсений возвращается домой. Он устал, разочарован и эмоционально вымотан: кто придумал, что ставить выпускников для показа концерта – прекрасная идея? К слову, нельзя сказать, что, хотя бы половина участвующих правда согласилась, просто им не дали возможности отказаться: «Вы незаменимы», «У нас больше никого нет», «Ну разве мы можем просить первый курс показывать выступление другому первому курсу?» и другие давящие фразочки.

Первое, что сделал Арсений, это позволил себе расслабиться на кровати несколько минут, а после этого нашёл в себе силы подняться и дойти до кухни, чтобы поесть впервые за полдня. Далее он позволил себе часик дневного сна, который отлично восстановил его силы. А потом? Что ж, пришлось притвориться очень

ответственным человеком и сесть за ноутбук, чтобы продолжить писать учебные текстовые работы.

Проходит час, два, три... На улице уже совсем темно. Текст набирается медленно, но не из-за лени парня, а потому, что эта тема ему малоинтересна, да и, как упоминалось ранее, он очень не любит работать с текстом. Только сейчас Арсений понимает, как много времени прошло с начала его работы; он устало вздыхает и откидывается назад, на спинку стула. Его взгляд цепляется за поезд на полке, всё такой же потёртый, как раньше.

Арсений встаёт с места и подходит к игрушке, чтобы взять её в руки. Это навевает ему воспоминания о детстве: как он играл с мамой, когда был ещё совсем маленьким, как папа чинил колёсико поезда после того, как Сеня случайно уронил игрушку на пол. Он вспоминает, как хвастался подарком прабабушки перед друзьями и ребятами во дворе, потому что дерево ощущалось приятнее, чем пластик или металл.

Однажды маленький Арсений даже утащил поезд на речку и чуть не потерял его. Это было жаркое летнее утро, ещё даже не полдень, а солнце уже жестоко палило. Несколько мальчишек игрались на берегу: они постоянно бегали друг за другом, дрались на палках и время от времени плескались друг в друга водой. Как раз в один из забегов вдоль берега Сеня и уронил свою игрушку в воду. Конечно, деревянная игрушка не утонула, а поплыла по течению вниз. Ребёнок тут же бросился следом, ударившись животом о дно, но поймал игрушку и едва-едва выплыл к берегу, задыхаясь. Больше слишком близко к воде поезд не появлялся.

Долгий вечер продолжался новым воспоминанием. В этот раз Арсений вспоминал, как буквально пять лет назад почти продал этот поезд. В тот момент ему очень

были нужны деньги, а он как раз нашёл в интернете объявление о дорогой скупке старых игрушек. У парня не было времени на работу или подработку, в тот момент родители не могли помочь, а дело было срочное. Сумма была предложена приличная для вещи такого рода, так что Арсений даже написал скупщику, был готов приехать на сделку и даже уже положил поезд в рюкзак. После этого он ещё некоторое время занимался своими делами, почти так же, как сейчас, и так же, как сейчас, он тогда посмотрел на ту полку, где должна была стоять игрушка. Пустота на полке вызвала у него смешанные эмоции, каждая из которых плавно перетекала в странную пустоту внутри. Слезы наворачивались на глаза сами собой, хотя он не мог сказать, что чувствует грусть или печаль. Именно тогда, чувствуя всё больше пустоты, медленно, но верно распространяющейся в груди, он снова написал скупщику и отменил сделку, даже не дав никаких объяснений. А деньги он в итоге получил, выполнив какой-то небольшой интернет-запрос на монтаж видео.

Если честно, он рад, что тогда одумался, потому что никакие деньги не стоят той лёгкости, которую он получает, когда смотрит на этот старый, потрёпанный поезд. Деньги появляются и исчезают, а воспоминания, хоть и хранятся в голове, но гораздо приятнее видеть что-то из прошлого вживую, а не только вспоминать.

На полке стоял поезд: простой, старый, местами со стёршейся краской, но это его место. На этом месте поезд простоит ещё не один год. И даже если когда-то эта полка будет пустой, поезд всё равно будет стоять на полке, пусть и на другой. Важно не место, а события, которые скрываются за вещью, пусть даже и за такой простой как игрушечный поезд.

Проходит час, два, три... На улице уже совсем темно. Текст набирается медленно, но не из-за лени парня, а потому, что эта тема ему малоинтересна, да и, как упоминалось ранее, он очень не любит работать с текстом. Только сейчас Арсений понимает, как много времени прошло с начала его работы, он устало вздыхает и откидывается назад, на спинку стула. Его взгляд цепляется за поезд на полке, всё такой же потёртый, как раньше.

Арсений встаёт с места и подходит к игрушке, чтобы взять её в руки. Это навевает ему воспоминания о детстве. Напоминает, как он играл с мамой, когда был ещё совсем маленьким, как папа чинил колёсико поезда, после того как Сеня случайно уронил игрушку на пол. Он вспоминает, как хвастался подарком прабабушки перед друзьями и ребятами во дворе, потому что дерево ощущалось приятнее, чем пластик или металл.

Однажды маленький Арсений даже утащил поезд на речку и чуть не потерял его. Это было жаркое летнее утро, ещё даже не полдень, а солнце уже жестоко палило. Несколько мальчишек игрались на берегу: они постоянно бегали друг за другом, дрались на палках и время от времени плескались друг в друга водой. Как раз в один из забегов вдоль берега Сеня и уронил свою игрушку в воду. Конечно, деревянная игрушка не утонула, а поплыла по течению вниз. Ребёнок тут же бросился следом, ударившись животом о дно, но поймал игрушку и едва-едва выплыл к берегу, задыхаясь. Больше слишком близко к воде поезд не появлялся.

Долгий вечер продолжался новым воспоминанием. В этот раз Арсений вспоминал, как буквально пять лет назад почти продал этот поезд. В тот момент ему очень были нужны деньги, а он как раз нашёл в интернете объявление о дорогой скупке старых игрушек. У парня не

было времени на работу или подработку в тот момент, родители не могли помочь, а дело было срочное. Сумма была предложена приличная для вещи такого рода, так что Арсений даже написал скупщику, был готов приехать на сделку и даже уже положил поезд в рюкзак. После этого он ещё некоторое время занимался своими делами, почти так же, как сейчас, и так же, как сейчас, он тогда посмотрел на ту полку, где должна была стоять игрушка. Пустота на полке вызвала у него смешанные эмоции, каждая из которых плавно перетекала в странную пустоту внутри... Слёзы наворачивались на глаза сами собой, хотя он не мог сказать, что чувствует грусть или печаль. Именно тогда, чувствуя всё больше пустоты, медленно, но верно распространяющейся в груди, он снова написал скупщику и отменил сделку, даже не дав никаких объяснений. А деньги он в итоге получил, выполнив какой-то небольшой интернет-запрос на монтаж видео.

Если честно, он рад, что тогда одумался, потому что никакие деньги не стоят той лёгкости, которую он получает, когда смотрит на этот старый потрёпанный поезд. Деньги появляются и исчезают, а воспоминания хоть и хранятся в голове, но гораздо приятнее видеть что-то из прошлого вживую, а не только вспоминать.

На полке стоял поезд: простой, старый, местами со стершейся краской, но это его место. На этом месте поезд простоит ещё не один год. И даже если когда-то эта полка будет пустой, поезд всё равно будет стоять на полке, пусть и на другой. Важно не место, а события, которые скрываются за вещью, пусть даже и за такой простой, как игрушечный поезд.

Сосна

Ранней весной лес стоял тихий. Большинство птиц ещё не вернулись, а остальные сохраняли тишину, не имея

причин чирикать. Снег уже подтаял, но всё ещё хрустели маленькие осколки льда.

Небо окрашено в розовый цвет, солнце бросает на землю красный свет, который заставляет деревья принимать оранжево-красный оттенок. Сосновые и еловые иголки тоже вовсе не зелёные, а какие-то оранжевые и пожухлые.

Андрей шёл медленно, боясь провалиться в какой-нибудь особенно глубокий сугроб или проталину. Совсем промокнуть, а тем более случайно утонуть, вовсе не хотелось – не для этого он пришёл в лес.

Он упрямо шёл в каком-то определённом направлении, наметив себе место и цель. Рюкзак на его спине немного задерживал шаг своей тяжестью. Он хорошо подготовился, знает, что в лесу полезной может оказаться любая мелочь.

Место, к которому он шёл, находилось не так уж и далеко, но даже хрустящий снег как будто был против того, чтобы Андрей шёл слишком быстро. Однако никакие преграды не рушили его решимость, так что он продолжал упорно двигаться вперёд.

* * *

Час. Прошёл час. Мокрый, холодный, излишне обледеневший час. Ничего необычного для этого времени года, на самом деле. В любом случае, главное, что Андрей дошёл до нужного места вовремя.

Он сел под кривой сосной, которая стояла немного поодаль от остальных. Конечно, он не стал садиться просто на снег, а подложил хобу на место сидения. Рюкзак он поставил рядом с собой и достал из него альбом и набор художественных мелков.

Он любит приходить на это место, чтобы порисовать, особенно в такую раннюю весну, когда свет

солнца по-особенному отражается от обледеневшего снега. И мел передаёт цвета своим уникальным способом, который не сравнится ни с какими жидкими красками.

Многим меловые рисунки кажутся блёклыми, но Андрей не считает свои работы таковыми. Для него они имеют достаточно яркости, достаточно цвета и света. Именно поэтому из всех материалов он всегда выбирает именно мелки.

Первый штрих происходит, как всегда, небрежно, даже несколько неаккуратно – это не минус, – это его собственный стиль начинать рисунок. Затем ещё один небрежный штрих, и ещё один, а следом ещё.

Рисунок всё ещё выглядит неаккуратно, но Андрей легко исправляет это, начиная наносить уточняющие штрихи, которые придают форму различным объектам на листе. Теперь на картинке образуются деревья, первые тени, структура еловых и сосновых игл, первая глубина цвета неба.

Штрих за штрихом появлялось всё больше деталей, цвета и глубины. Андрей закончил рисунок как раз перед тем, как красоту уходящего дня начали сменяться сумерки.

Мальчишка собрал свои вещи и пошёл обратно той же дорогой, по следам собственных шагов...

Холод

Переход был страшным. Это был далеко не первый раз, когда я перехожу через замёрзшую реку, но от этого не становилось проще. Каждый треск и шорох каждый раз ощущается как зов с другой стороны: зов из-под льда...

Не могу сказать, что сомневаюсь в своих навыках, в своих знаниях или рефлексах. Но и не могу похвастаться опытом, в котором я выбираюсь из-под льда. Хотя

сомневаюсь, что после этого мне стало бы проще воспринимать такие переходы.

Я не славлюсь своей смелостью, но и какой-то большой трусости во мне нет, этот страх и опасения – просто желание остаться в живых. Не стоит быть слишком смелым и уверенным, даже если делал что-то уже сотню раз, никогда не можешь быть уверенным, что не ошибёшься в сто первый.

Хотя даже настороженность и подготовка не всегда гарантия выигрышного положения, некоторые вещи просто не зависят от тебя.

* * *

Лёд казался крепким. Не было никаких предпосылок для ненадёжности, кроме лёгкой тревоги в груди, которая, в общем-то, сопровождает меня всегда. Все правила были соблюдены, никаких отклонений. Однако в этот раз переход осуществлялся в одиночку... Нет, конечно, это не первый раз, но это всегда дополнительный риск.

Передвижение происходило правильно. Для перестраховки оно было в горизонтальном положении, хотя, как было указано ранее, лёд казался крепким. Я прямо как пингвин: просто скольжу на животе вперёд, помогая себе руками. И всё шло замечательно: тихий шорох задетого снега, стук голых веток из-за прыгающих по ним птиц, лёгкое покалывание на щеках от мороза и влаги, треск...

Треск льда?

Я замираю. Вдыхаю воздух полной грудью и слегка двигаю руками, чтобы медленно продвинуться вперёд, уйти с предательской трещины, которая, судя по

ощущению внезапного холода в области груди, прямо подо мной...

Возможно, стоило отползти назад, но берег спереди был гораздо ближе, да и назад двигаться сложнее.

Возможно, вовсе не стоило идти сюда одному.

СТОП. Нужно сохранять спокойствие и ровное дыхание. Нельзя паниковать, я всё ещё на поверхности, всё ещё дышу. Нужно медленно и осторожно продолжать движение вперёд, понемногу за раз, никакой спешки.

Ещё один треск

Сердце начинает биться чаще, дыхание на мгновение прерывается, пока я вслушиваюсь в звук льда. Теперь я не слышу снег или птиц. Всё, что я могу слышать, это собственное неровное сердцебиение и бурлящую подо мной воду. Течение... Мне стоило услышать это раньше, такой звук никогда не бывает хорошим признаком. Но сейчас не самое время корить себя за ошибку, последствия которой уже настигают меня, надо думать о собственном спасении.

Крак, тук, бульк. Ещё больше треска

Возможно, этот лёд совсем не хочет выдерживать мой вес, хотя я и стараюсь распределять его максимально равномерно.

Бульк

Вода обжигает. Кусок льдины, на которой я проваливаюсь, режет руку даже сквозь толстую перчатку. Это больно. И холодно.

Сердцебиение стало ещё быстрее, а дыхание теперь совсем сбилось. В мыслях я прогоняю план действий буквально перед каждым переходом по несколько раз, но помогает ли мне это сейчас? Не-а.

Я пытаюсь вытянуть руки вверх, чтобы запрыгнуть на оставшийся на поверхности лёд, но это заставляет меня

лишь глубже уйти под воду. Я сбрасываю рюкзак и куртку, становится проще, но не сильно. Пытаюсь оттолкнуться от воды и на прыгнуть грудью на лёд. Чувствую лишь течение и жжение в груди: небольшая царапина о кромку льда.

Ещё попытка и ещё, и ещё. Сил всё меньше. Периоды нахождения над водой всё короче. Быстрее, чем усталость, конечности начинает сковывать холод. Я не хочу верить в то, что это конец. Я хочу верить в то, что в этот раз я смогу оказаться на льду и убраться подальше от этой ледяной воды.

И меня получается, я оказываюсь на льду, но лишь на мгновение, потому что эта часть тоже ломается, и я окончательно оказываюсь под водой. Я пытаюсь выплыть наверх, но меня лишь тянет вниз течением. Я всё дальше от света, меня уносит вниз по течению. Мои попытки бороться с рекой остаются безуспешными.

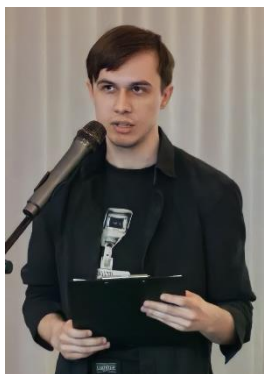
Глаза закрываются, лёгкие жжёт. А я даже не помню, когда вода успела попасть в мои лёгкие.

Это был мой далеко не первый переход, но он оказался самым последним.

Нельзя было идти в одиночку. Нужно было лучше слушать.

Птицы всё так же прыгают с ветки на ветку, вода бежит, но я больше не слышу своего дыхания или сердцебиения. Я...

Я стану лишь очередным доказательством опасности льда на реке этой весной, когда меня найдут там же, где и остальных утонувших в этой воде.

Монахов Денис

Ведущий специалист администрации
Тайшетского округа.

Теневой мальчишка, или...

В две тысячи-надцатом году тогда ещё никому незнакомый парнишка, Захар, впервые получил свою личную фамилию. Ни у кого более не было именно такой. Да и звучала-то как она – Неизвест!

Мальчишка был одет всегда одинаково. Ему просто не нужно было иной: чёрно-белые сланцы выражали его лёгкость в знакомстве, светло-серые брюки отражали его строгость и целеустремлённость, а тёмно-зелёная толстовка показывала его глубину души. Тому свидетельствовала чёрная пряжа на одежке – сердце, как нечто тёмное, тяжёлое от памяти, и значок – трижды перечёркнутая стрела, что бы она ни значила...

Паспорта Захар Неизвест никогда не держал при себе. Не было нужды. Кто его знал и видел, у того сразу появлялось в голове: «Это он!».

Захар любил магию, в частности чёрную. В своих годы он владел книгой теней: Неизвест стал менять облик между ребёнком и подростком, хотя всё же быть мальчишкой ему нравилось больше. Он мог перемещаться

в одно мгновение, подчинять чёрные силуэты от свечения, да и много чего ещё... Я не скажу. Однако юнец был слишком добрым, чтобы использовать его во зло. Кодекс с тенями был его козырем, но он никогда не показывал его в полную силу. Впрочем, сказки – это всё, как говорят люди. Не верят.

В две тысячи-надцатом году Захар основал городок на горизонте туманных пустот. Равнина отличалась от привычного нам климата: небо как будто выключили, отчего оно окрасилось в холодный, сероватый оттенок; между домов по тропам стоял тихий прохладный ветерок; иногда сверху, из пустого неба, редели капли дождя. Место не было похожем ни на тихий от страха Обособленный Город, ни на молчаливую тишину Кровавых Скал перед боями, ни даже на спокойный от величия элитный район Новограда.

Как он создал его в одиночку в столь юный возраст, тоже неясно: по слухам, ему никто не помогал, технику никакую не привозили, и как будто дома взвелись в раз, просто потому что. Парнишка был очень доволен своей работой, что назвал городок в свою честь. На туманных пустотах основалось Неизвестие.

Законы для проживания наш первый и единственный мэр не составлял. Он доверял людям, а они – ему. Неизвестие не стало покупаться на разноцветные монеты своего обособленного соседа, и не принимало цифровые рубли Новограда и уж тем более противилось хламу Пустошей. Ни к чему просто, незачем.

Жители Неизвестия были особенные, не мимо проходящие. Все добрые и бескорыстные. Хотя Неизвест, наверное, даже не знал такого слово, как «корысть». Каждого Захар знает в лицо: встречает приезжего с

улыбкой и радушно заселяет в свою родную обитель. Спокойный народ жил.

Мальчишка любил путешествовать. Он любил покупать старую розовую картонку – билет на поезд, желательно в один конец – и сесть в свой любимый транспорт. Неизвестие могло жить в его отсутствие без хлопот.

И всё же был у мальчишки один изъян. Захар был болен. Болен и жутко уязвим. Об этом не говорили вслух, но это видели все. Если представить голову паренька, лицо, как овал, то один его уголок, правый, попросту отсутствовал. Сбоку черепную коробку будто подмяли, а кожа лишь обтягивалась на краях.

Пластину так и не поставили. То ли не успели, то ли не захотели. Обида. Страшная, детская обида.

– Тётъ, мне как обычно, – звучал звонкий голос мальчика. За плечом он держал сумку, из которой торчала коробка.

Женщина в очках сложила газету, свела руки в замок. Очки свесились на нос, а уголок рта слегка поднялся.

– Ты правда его любишь?

В ответ Захар раскинул руки:

– Ну так, родной город всё-таки.

– А в портфеле своём что несёшь? Снова лего?

Мальчишка словно засиял. Ему нравилось, когда в разговорах появлялись вещи, которые он обожал, и каждое предложение о них он считал бескрайне важным.

– Ага, наборчик новый, – паренёк скинул рюкзак, показывая обложку. – Вот такое собирать буду. Там инструкция – во! – он показал пальцами толщину в сантиметр. Это примерно сто – сто пятьдесят страниц на А4. У Захара сборка займёт каких-то восемь дней без перерыва.

На кассе женщина пробила талон, передала билет, указала время, вагон и место. Быстро найдя нужный поезд, мальчишка уселся на любимую нижнюю койку (именно так: всё, что не кровать дома – койка), выдохнул, выглянул в окно: сегодняшней дождь лил чаще обычного. Не «много», а как из ведра. Что-то случилось там, и он это чувствовал, нутром. Он любил ездить, но эти поездки были не просто отдыхом. Это был труд. Важный. Иногда непосильный. От стука рельс беспокойство плавно стихало, сменяясь на сонливость. Спал он чутко, но гул поезда был обычным фоновым звуком.

В должные часы Захар проснулся, вновь огляделся. Он на месте. Выпрыгнув из стоящего поезда и приземлившись мягко, мальчишка ловко поднялся по путепроводу. Посмотрел на вокзал. В его голове – старая, красочная фотография из «детства» – словно разбилась, как стекло о большую правду.

Небосвод был грязного, серого оттенка, не разглядеть даже, в какой стороне свет от солнца и есть ли он вообще. Вокзал выцвел, краска облупилась, потрескалась, замшела. Одна из букв перестала гореть красным светом – он точно помнит, что по ночам его город приковывал внимание путников.

На секунду показалось, что нечто или кто-то коснулся склеры глаза – заметно, ощутимо. Незвестный вдохнул полной грудью: воздух до невозможности сухой. – Теперь понятно, почему Незвестие утопает в слезах, – он протяжно выдохнул, понимая, что попал в цель. *Он* где-то здесь...

Корень проблемы Захар искал просто: обычно он был в людях, незаметных, молчаливых. С буйными всё более или менее понятно, а вот тихие... Родной город и правда опустел. Нет, конечно, по улицам ходили люди. Их

было много, даже слишком много для города, который не улыбается. Но все они выглядели очень хмурыми, злыми, в суете. Мальчишка прекрасно знал, что эти земли живут очень серьёзной жизнью, и сам он тоже к ним относится, но как-то не могла успокоить его мысль о том, что взрослые очень мало улыбаются. Это была его причина, по которой Захар не хотел взрослеть. Одна из причин...

Через несколько минут Неизвестный остановился у порога дома, из которого исходило тепло. Вгляделся. Вокруг городского пейзажа еле заметно мельтешили прозрачные тени, чёрные, будто испаряющиеся. Захар вошёл в дом. Мужчина стоял за столом, разбирая покупки, женщина охотно смотрела за его действиями. Они не заметили, как вошёл гость. Никто не заметил. Тьма стремилась вверх. Их цель находилась этажом выше. Шаги мальчишки не были слышны, скрип ступеней не сопровождал его. Зато были слышны немые голоса теней. Они смеялись, кричали и гоготали, говоря гадости. При виде новой персоны тени сперва замирали, а позже отступали.

Вязкая масса кипела, бурлила у заветной двери. Силуэты рук бились, стучали в дверь с дерзостью, дёргали ручку, но пробраться внутрь у них не получалось. Что-то мешало им.

Захар топнул ногой. Мир замер.

В идеологии теней началась паника: руки прятались в массу, хватали и бросали друг друга, подальше от Захара. Дорога очистилась сама. Ручка опустилась, дверь молча отворилась.

Неизвестный вошёл в детскую. В тишине сидел Мальчик, вновь на своей кровати, прибрав к себе колени. Смотрел в пол, но взгляд стремился за стены здания, за кору земли, за космос. На Его щеках были полосы

высохших слёз. Захар присел рядом, постель не мялась. Улыбнулся:

– Я никуда не уходил. Я рядом. Давай играть?

Собеседник обратил внимание глазами, только смотрев. Тихий всхлип, молчание. Прижавшись к рукам, Он стал успокаиваться, голова приподнялась. Дрожащие губы выдавили лёгкую улыбку. Мальчишка кивнул.

Акт 1 Отражение

Он постоянно при мне –
Мой туз в рукаве.
Мне слышны его крики,
Беззаботные миги.
Он бельмом на глазу,
Моё зрение словно б/у,
Я вижу яркий в тенях,
Краем глаза, силуэт на веках.

Капюшон сероват, блеклая майка...
Девушка, вы точно гадалка?
Лохмотья в раскидку, острые зубы –
Этот наряд я помню безумно.
Мельтешит на глазах,
Он смеётся в ушах.
Я – один его зритель,
Он – один мой актёр.

Он и я – по грани зеркал:

– Где действия дешевле свободы,
Где высоты страшнее природы,
Где страх лишь сказка в ночи,

Где лицемерство тонет во лжи...

– А где та свобода?

Где наше счастье? Ха!

Бесцветные краски

На верхушке и в маске...

– Раскол на лекале,

И нам же всё мало.

Пусть исчезну бесследно –

Меня запомнят, непременно!

– А нужен ли мальчик,

С такими мечтами?

Учёба, работа, пособие, ха...

Дремота...

Акт 2.

Диалог

– Вечная борьба несостыковок:

Битые осколки зеркала, капли крови недотёпы.

За голову же легче взяться, чем принять всё во внимание,

Что в осколках отраженье, а не личность двухголовья.

Ну, конечно, мы ж не верим всему люду.

Мы закрылись, нам темно и в одиночку.

Будем жить в текстах, нанесённых в тетрадь,

И не будем открываться! Нам окей, и мы согласны!

– Перестань! Ты не видишь, эти твари слишком умны:

В сказки, мистику не верят. Им бы цифры, здесь они
пусты.

Диагнозы ставят, ищут всем причины и отмазки.

Если старше – он умнее. Нас не слышат и оставят.

Эти тонны слов крутятся в голове ежесекундно.
Замкнутый круг, окстись ты и внемли, недоумок.
Каждый желает нам счастья, но никто так и не понял.
Никто и не заметил увядание жизни; столько мороки...

Акт 3

Мальчишка

Скрипы дверей, неслышны шаги.
Невольный кивок: «Мы снова одни».
Потухла свеча, качания кресел,
Истерический смех: «Он снова на месте».

Пронзительный взгляд, будто не виделись век.
Бесплатный платёж: билет или чек?
Ветер в свечу, и в комнате мрак.
Тень на полу переходит в косяк.
Громкий щелчок – разбивается люстра.
Улыбка сияет – мне ни капли не грустно.
Искусственный страх, и сердце томит.
В присутствии мальчишки лодку штормит.

Этот ребяческий смех мне нагнетает,
Людские души он забирает.
Вечерами гуляют за парнишкою тени.
Всегда улыбается, поджидает в темени.
Не молчит и лелеет, глазами он манит.
Наивным: «Бегите!» За масками спрятан.

Игнатьева Ксения

21 год.

Разлука

В разлуке дни текут однообразно,
Боль в сердце гложет, так боязливо.
Расстояние безжалостно терзает,
Любовь вдали, как призрак тает.

Ночи кажутся вечностью бездонной,
Дни тянутся, наполненные мыслями, тобой.
А безвыходность, совсем не застенчиво,
Удваивает в разы эту боль.

Лишь память оставляет отголоски,
Любовь жива, но где-то вдалеке.
И каждый вздох, наполненный болью,
Это напоминание, что я на день ближе к тебе.

Нарциссы

Дождь смывает слёзы,
Цветут нарциссы вновь,
А в глазах напротив —

Нежность да любовь.

Капли падают на землю,
Орошая лепестки,
Сердце бьётся неумно –
В плену напротив красоты.

Нарциссы в сладком мёде,
Их ветерок колышет чуть,
А в глазах напротив –
Неба синь и солнца луч.

Дождь утихнет, солнце выйдет,
Радуга зажжёт дугу,
А глаза напротив видят
Только лишь меня одну.

Новый день

Рассвет окрасил небо в алый,
И птицы славят день напевом сладким.
Туман растаял дымкой талой,
А мир проснулся чистый, гладкий.

Роса на травах словно жемчуг блещет,
А ветер шепчет нежно и игриво.
И день встаёт прекрасный и беспечный,
Неся надежды всему миру.

Хочу с тобой встречать любой рассвет

Хочу с тобой встречать любой рассвет,
Где на стекле медлит янтарный свет.

Хочу прижаться лбом к твоему плечу,
Слушать, как ты дышишь, а я молчу.

Хочу ласкать, обнять – до сладкой дрожи,
Чтоб мир вокруг стал тише и пригожий.
Хочу покоя не давать судьбе,
И, задыхаясь от любви, бежать к тебе.

Хочу – ты слышишь? – просто быть с тобой,
Делить и хлеб, и дождь, и путь домой.
Чтоб в тишине, как ласточка, живой
Твой пульс стучался где-то под рукой.

Мне ничего не надо – лишь огонь,
Его вложить в твою ладонь.
Пускай вокруг шумит чужой перрон –
Мы выберем свой тихий, тёплый сон.

Понимаешь? Больше – ничего:
Ты рядом – и достаточно всего.
Хочу, чтоб было так всегда,
Ты рядом – а я вся твоя.

Голубые глаза

В небе синем, где облака плывут,
Светом лунным светятся глаза.
Голубые, мне в них тонуть,
В них любовь и страсть, что не унять.
Смотришь в них – и сердце замирает,
В них душа твоя как будто расцветает.
Голубые, словно лунный свет,
В них тайна скрыта, что прячется от всех.

* * *

Почему мы не можем быть просто вместе?
Почему не можем быть просто счастливы?
Постоянные отъезды, постоянные отъезды
И ничего, кроме них.

Я очень люблю, это скрыть не получится,
Но устала во всем разбираться.

Опять.

Ждать, что возможно когда-то получится,
И всё убиваться, и убиваться.

Опять.

Я очень измотана. Опять в этом течении.

Кажется, больше уже нет сил –
Делать вид, будто не имеет значения,
Что мы далеки и всё также потеряны,
Что всё также потеряны мы.

А может, а всё же, а если...?

Ты всё дальше и дальше,
Не смотришь в надежде,
Уходишь весь в спешке
И прячешь глаза.

Каменный ступор и бесполезность.
Устала. А может, а всё же, а если...?
К тебе бы.

Ищу в этом плюсы, а их, кажется, меньше.
Окутала грустью.

Опущены руки,
Метаюсь в этом оркестре:
А может, а всё же, а если...?

Забери меня

Забери меня к себе
И никогда не отпускай.
Неважно, где, куда и как –
Забери и обнимай.
Мне многого не надо,
Просто будь, будь рядом,
Твой запах – дом
И я так рада,
Что в этом месте,
Тобой объята,
Я буду счастлива,
Жива,
С любовью я,
Любовь твоя.

И вот ты дышишь человеком,
Существуешь только для него.
А без него, как будто не был,
И без него, как будто не было всего.
Ты плачешь – от радости и боли,
От расстояния и тоски,
От того, что себе не волен,
И сжимаешь от бессилья кулаки.

Ольхин Иван

Студент Красноярского индустриального-
металлургического техникума,
19 лет.

Кто-то должен быть рядом с непрощёнными

- Ты их знал?
- Нет.
- Сейчас ночь. Осень.
- Я знаю.
- Озябнешь.
- Мне лучше, чем им.
- Ты так думаешь?
- Я здесь.
- Там нет никого.
- Как это нет?
- Вот так просто. Там пусто.
- Зачем это всё тогда?
- Для них.
- Но они там. Тела их здесь.
- В них нет души. Кожа да кости.
- Как думаешь, они вместе там?
- Где?
- Ну... в раю или аду.
- Нет ни рая, ни ада.
- Но как-же? Бог – рай. Прекрасный сад, ангелы. Ад – Сатана и куча котлов с демонами. Каждому по делам его.
- Данте!
- Кто?
- Он это придумал.
- Священник?
- Нисколько. Талантливый писака. Всю свою жизнь горел одним и единственным, видимо под старость лет выжил из ума.
- Женщина?
- Она его не знала.

- А что тогда там? Бог есть! Это я точно знаю. Слышал, что убили его, но не верю. Порою уйду в лес и чувствую. Любовь. И знаю, что он это. Этому я верю. Во мне он.
- Убил.
- Я?
- И ты убил.
- Так во мне он! Говорю-же. Кто сказал?
- Немец.
- Ах! И ты их слушаешь? Этих-то! Тех самых!?
- Слушаю. Он о людях говорил. О тебе говорил.
- А не тот ли это часом, что из-за коня сумасшедшим стал?
- Да, тот. Он по улице шёл и увидел, как кучер хлыстом коня по морде бьёт и не жалеет. Тот подорвался и подбежав к лошади обнял её голову и слёзно умолял кучера прекратить, чтоб тот её пощадил.
- Сумасшедший!
- Ты попадёшь в ад.
- Ты сказал, что нет его. И почему это я-то попаду!?
- Ты бы прошёл мимо.
- Нет!
- Ладно тебе. Оставь.
- Так, где они?
- Где-то там, возле него.
- А говоришь, рая нет!
- Нет ни сада, ни ангелов. Он один!
- Но люди то с ним.
- Они под светом его. Душу, плёткой не накажешь. Есть состояние. Одни ближе к Богу, другие дальше. Оттого они и страдают, что далеко от него. В темноте они. Им света нет.
- Их Бог простит. Им свет будет!
- Он их не простит. Он злой!
- Ты этого знать не можешь!

- Могу. Он нас бросил.
- Во мне он, говорю тебе! Во мне!
- Всех бросил. Людей без присмотра оставил. Те его и убили.
- Тебе света нет. Прими его!
- Не могу.
- Почему?
- За то, что мы здесь.
- Он всех помнит! Ты то, что здесь забыл? Иди, иди! Ишь, развелось тут знающих!
- Кто-то должен быть рядом с непрощёнными.

Котятa

Дом – прямое отражение людей, в нём живущих. Каждое движение, слово, настроение отражается на нём, и потому со стороны мы видим его хозяев полностью нагими – душой и телом. Так понимала она и, несмотря на все тяготы её возраста, старалась как могла придать своему дому вид жизни, что остановилась в нём очень давно. Дом старенький, ветхий, севший глубоко в землю, с разбитой, перекосившейся калиткой, шатающимися ставнями.

Она никогда не прыгала выше головы, довольствуясь малым. Жила скромно, тихо и счастливо. Знали их все: деревня небольшая, и, как-то заведено, знали всех и обо всём. Чужие дети были как свои, проблемы – общие. Но не могла она себе и представить, что выпадет именно ей такое горе, коим живёт по сей день. Потеряв дорогих людей, в которых и видела всю свою жизнь, положила и свою. Стала замкнутой, отвернулась от всех, полностью отдалась своему горю. Вести дела было трудно, но, несмотря на это, она продолжала. Со временем тело стало стремительно сдавать. Работа, стала невыносимой. Питалась мало, старалась больше ходить, через силу.

Прогуливаясь по своему участку, невольно услышала шуршание и тонкий, режущий слух писк. Она увидела грязную, мокрую тряпку. Одной рукой держалась за калитку, другой же палкой начала ковыряться и медленно распутывать её. В той самой тряпке были трое новорожденных котят, ещё совсем слепых. С них шёл обильный пар, было видно, как дрожат ещё совсем маленькие, хрупкие тела. Они прижимались друг к другу, пытаясь найти тепло.

Со временем она стала более чёрствой и скупой на чувства. Те трое, что сейчас ёрзали в поисках тепла, мало её трогали. Для неё это было лишь очередной проблемой, которую нужно было решить. Она могла тайком подбросить их к соседской калитке, тем самым лишит себя некоторого рода неудобств, но по собственным соображениям сделать этого не могла. Оставить их означало верную смерть, чего она тоже не могла допустить. Ей приходилось сталкиваться, смотреть смерти в глаза, ощущать её. Она не была верующей, отчётливо понимала, что второй стороны монеты она не видела и не ощущала.

Время близилось к ночи, стремительно холодало. Занесла в избу, откормила котят молоком, протёрла тёплой тряпкой и подбросила лишнюю охапку дров.

Ночь напролёт они не затыкались и всё время скулили. Она вставала посреди ночи, отогревала молоко и кормила, меняла тёплые одеяльца на новые, старые же вешала к печи. Каждый наклон, движение давались ей с трудом. Она кряхтела, вздрагивала, хваталась то за спину, то за колени, и, когда боль была невыносимой, держалась за стену, чуть согнувшись, неподвижно, ожидая облегчения.

Кормила она часто, но помаленьку. Всё так же протирали их теплой тряпкой, подбрасывала лишнюю охапку дров и сажала к себе на тахту, где было теплее и не так сыро. Пока она не отходила от них ни на шаг, получше их разглядела и решила, что даст им имена. Когда они успокаивались – сытые, с полными животами, – она не могла не заметить, как те чудно ходят, переваливаясь с боку на бок и иногда падая на живот, сталкиваясь друг с другом лбами и перекатываясь с одного бока на другой бок. Она улыбалась, смеялась, поправляя их и всё приговаривая, какие те забавные, называя каждого по имени. Впервые за долгое время – время, омраченное лишь страданием, скорбью, тоской и великой обидой, – она смогла забыться, хоть и на мгновенье, отдалась той части жизни, что мы зовём настоящим, которое, к сожалению, остаётся забытым. Радоваться мелочам: тому, как они, ещё совсем маленькие и неуклюжие, узнают друг друга и окружающий мир. Но она быстро, почти машинально, заметив перемену, пресекла эти чувства. Ей больно ударило в грудную клетку: пустая склянка с молоком и те трое маленьких, несамостоятельных комочков, которым нужна забота.

На следующий день она твёрдо решила найти им дом, и как можно скорее. Пройдясь по соседям, почти слёзно умоляла взять хоть одного. Старалась откомендовать, указать на пользу, которую могла принести кошка в их дом. Ссылалась на саму себя, на здоровье, положением котором стеснена. Но никто так и не взял ни одного, открешиваясь и обещая, что узнают и обязательно помогут найти им кров.

Так прошло несколько дней. Котята стремительно росли и требовали большего. Дом она запустила, не отходила от них ни на шаг. Думала только об одном,

присматривала за ними окошка, смотрела на них. Говорила с ними, пыталась узнать лучше. Выбирала тщательно, придиралась ко всем, и когда находила «того самого», начинала бессознательно искать в нём изъяны. Все её поиски были бессмысленны. Она чётко и ясно, понимала лишь то, что не может держать их у себя. Этот замкнутый круг приносил ей только боль и неудобства. Её возраст, силы давно ушли, и сейчас с каждым днём ей приходилось всё тяжелее. Мысли о смерти становились реальнее.

Небольшой колодец стоял слева от её дома. Им перестали пользоваться очень давно. Запасы воды были небольшие и мутные. По утрам она набирала из него воды и чрез марлю пропускала по несколько раз, складывая полотно в несколько слоёв. Так и сегодня, по обыкновению, она шла к колодцу с ведром, а под шубой несла теплое одеяло. Долго она смотрела вглубь колодца. Там ничего не требовало сил.

